

С-89

Э-99,952

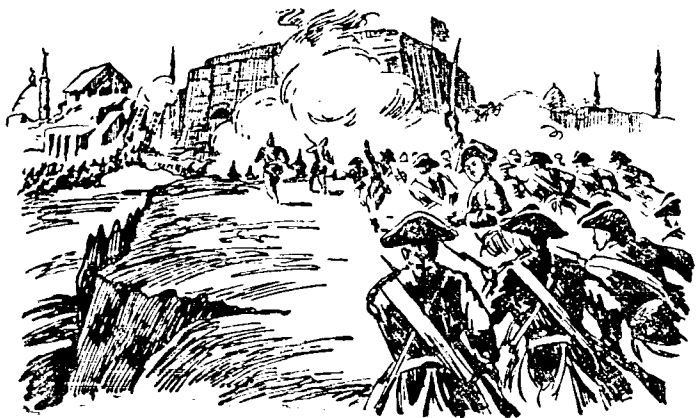
Анатолий Субботин
**РАССКАЗЫ
О СУВОРОВЕ**

АНАТОЛИЙ СУББОТИН

РАССКАЗЫ
О СУВОРОВЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Военное издательство просит присылать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, 53, Орликов пер. 3, Управление Военного Издательства.

ШТУРМ ИЗМАИЛА

Осенью 1790 года русские войска осадили расположенную на Дунае турецкую крепость Измаил.

Воздвигнутые по проекту французского инженера де-Клове семисажённые валы с двух- и трёхъярусными каменными бастионами, глубокие, наполненные водою рвы окружали город. В крепости находились огромные запасы боевого снаряжения и продовольствия; сорокатысячный гарнизон ни в чём не терпел нужды. Весь гарнизон — от генералов до последнего солдата — знал о приказе падишаха, угрожавшем жестокою казнью защитникам Измаила, в случае сдачи им крепости. Турки отражали все попытки взять Измаил штурмом.

Осадная тридцатитысячная русская армия состояла из отдельных отрядов, не имевших общего командования. От наступивших холодов и недостатка продовольствия из строя ежедневно выбывало много людей. Через два месяца осады число войск, стоявших под Измаилом, уменьшилось почти

на одну треть. В конце ноября военный совет, на который собрались начальники отрядов, решил отказаться от осады и отступить.

Но судьба Измаила решала исход трёхлетней войны. Неудача могла быть истолкована как слабость русской армии. К тому времени Пруссия, подписавшая в январе 1790 года договор с турками и гарантировавшая этим договором неприкосновенность турецких границ, сосредоточила у западной границы России до двухсот тысяч войск, ждавших только сигнала к выступлению.

«Спасти положение под Измаилом может только Суворов», — об этом открыто говорили в армии. Суворов стоял со своим корпусом на левом берегу Дуная, против Галаца. Главнокомандующий Потёмкин, не любивший упрямого, не умеющего льстить и занскивать генерала, всё же вынужден был поручить дело ему.

30 ноября 1790 года Суворов получил приказ главнокомандующего:

«...Остаётся предпринять с помощью божиею на овладение города,— писал Потёмкин.— Для сего, ваше сиятельство, извольте поспешить туда для принятия всех частей в Вашу команду».

В частном письме, приложенном к приказу, Потёмкин был более откровенен. «Моя надежда на бога и на Вашу храбрость,— писал он.— Поспеши, мой милостивый друг... Много там равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторый род сейма нерешительного... Огляди всё и распоряди...»

Суворов ответил немедленно и коротко:

«Я к Измаилу отправился...»

Через два часа, после того как был отправлен ответ Потёмкину, Суворов в сопровождении сорока казаков выехал к Измаилу. На половине пути, несмотря на опасность следования по недавно занятой у врага местности, Суворов

оставил задерживавший его конвой и поскакал вперёд с одним казаком, который вёз саблю и необходимые пожитки своего генерала. Следом за Суворовым, по его приказу, выступили к Измаилу: Фанагорийский гренадерский полк, два батальона Апшеронского полка и до двух тысяч казаков.

На рассвете 2 декабря, проскакав около ста сорока вёрст, Суворов прибыл к войскам, осаждавшим Измаил.

Мэросил холодный дождь. Дым многочисленных костров застилал окрестности. Лагерь только что просыпался. Иззябшие за ночь солдаты грелись около костров. Ветер пронизывал насквозь. Неподалёку от того места, где остановился Суворов, седоусый капрал прилаживал над костром котелок, чтобы вскипятить воду. Он негромко пел:

Не две тученьки, братцы,
Не две грозные, братцы,
Ах, да из-за гор выкатались;
Выходила сила-армия, братцы,
Наша армия, братцы,
Ах, да во чисто поле...

Мелодия солдатской песни как-то особенно волнующе и торжественно звучала в промозгом от измороси, холодном воздухе. Суворов усмехнулся, когда услышал:

Выходил он, братцы,
Наш родный батюшка, братцы,
Ах, да сам-от граф Суворов.
Камышовой тросточкой, братцы,
Он командует, братцы,
Ах, да вы, мои солдатушки,
Бейте — не робейте!
Свинцу-пороху, братцы,
Солдатушки-братцы,
Ах, да вы не жалейте!..

Суворов сошёл с коня. Бросив повод сопровождавшему его казаку, прихрамывая, он направился к костру, около которого возился капрал.

— Здорово, орлы! Чудо-богатыри! — на ходу восклицал он, приветствуя солдат.— Помилуй бог, к самой каше успел... Чья рота?

— Капитана Кожина.

У костра, где появился Суворов, произошло замешательство. Присевший на корточки у огня белобрысый солдат повернулся, протёр глаза. Он так быстро вскочил, что второпях опрокинул котелок. Вода с шипеньем пролилась на костёр.

Суворов замахал на него:

— Сиди, сиди! Эх, ты!..

Песня оборвалась. Капрал даже забыл обругать солдата, вылившего воду.

— Батюшка, Александр Василич! — ахнул он.

— О, старый приятель, — сказал Суворов, всматриваясь в лицо капрала. — Где мы встречались?

— На Кинбурне, Александр Василич, под Очаковом...

— Знатно, помилуй бог!

— У Фокшан... — перечислял капрал.

— И всюду турок били?

— Так точно, били.

Оживление у костра росло. Казалось, только потому, что Суворов прибыл к войскам, на земле становилось светлее. Туман, мутною пеленою висевший над плоскими холмами, стал прозрачным; вдали отчётливее обозначились стены и бастионы Измаила.

— Храпов... Узнаю, — говорил Суворов, обращаясь к капралу.— Ты на Фокшанской дороге турецкого старшину полонил... Огонь! Чудо-богатырь! Ну-с, поцелуемся!

Не дав опомниться капралу, Суворов обнял его.

— Генералу Суворову — ура! — обрадованный лаской, что было у него силы крикнул капрал. Он вытянулся во весь свой богатырский рост. Если бы не сдвинувшаяся на бок треуголка, не седые косички, торчавшие из-под неё, то рядом с Храповым Суворов напоминал бы подростка. «Ура» не смолкало. Оно всё сильнее, полнее, громче раскатывалось

в холодном, густом воздухе. — «Ура-а!» — начиналось вблизи. — «А-а-а»... — отзывалось эхо. — «Ур-ра!..» — подхватывали клич всё новые и новые голоса. К костру, где находился Суворов, со всех сторон бежали солдаты. Весть о его приезде облетела лагерь. Не тщедушным стариком, каким появился в лагере, а былинным Муромцем казался он окружившим его воинам. Сила войска, русская солдатская храбрость, любовь к отечеству — всё сосредоточилось сейчас в этом человеке, олицетворявшем душу солдата. Суворов и сам не рад был тому, что не стерпел, объявил себя.

— Видишь, братец, что ты наделал, переполошил всех, — упрекнул он великана, крикнувшего первым «ура». — И каша пропала, — показал он на опрокинутый котелок. — Поспешал я к Измаилу, братцы, думал — не застаю никого. Испугались, чу, отступить решили, а где же сие слыхано? Разве мы уже не русские? Неужто уйдём с позором, не возьмём крепость? — Суворов вытянул руку, показывая на Измаил.

— Возьмём!.. С вами возьмём, Александр Василич!

И не хвастовство, не минутный порыв, а спокойная, твёрдая уверенность звучала в горячем солдатском слове: «Возьмём!» Суворов понял это.

— Всенепременно! — заключил он. — Ударим и возьмём.

Суворов вернул полки, которые успели уже отойти от Измаила. Лагерь ожил. Солдаты готовили штурмовые лестницы, вязали фашины¹. С прибытием Суворова улучшилось продовольствие, подходили обозы с боевыми припасами.

«Топал-паша под Измаилом», — доносили турецкие лазутчики. Известие об этом встревожило всех в крепости. «Топал-паша» — «хромой генерал», как называли турки Суворова, был хорошо знаком турецкой армии, — это имя напоминало туркам о многих победах, одержанных русскими войсками. В крепости заговорили о скором штурме.

¹ Пучок хвороста, перевязанный проволокой.

Суворов знал о впечатлении, какое произведёт на турок весть о его прибытии к Измаилу. Своими распоряжениями он старался показать, что штурмовать крепость не собирается, а намерен продолжать осаду. В непосредственной близости от крепости он приказал насыпать земляные редуты, с двумя десятипушечными батареями каждый. На сооружении этих редутов работы велись и днём и ночью, несмотря на обстрел из крепости. Казачьи патрули зорко стерегли все пути, прекратив связь осаждённых с находившимися в Румынии войсками великого визиря¹.

А в стороне от лагеря, далеко, — там, где не могли заметить турецкие наблюдатели, — солдаты, по приказу Суворова, вырыли глубокий ров и насыпали вал — точное подобие измаильского. По ночам, когда утихал лагерь, в полках выделялись команды солдат и уходили к валу. Суворов сам руководил ночными занятиями: водил солдат на приступ, учил их, как преодолевать ров, взбираться на вал. Он всё время находился среди «атакующих», требовал от солдат и офицеров ловкости, сообразительности, инициативы, смелого и точного выполнения самых трудных манёвров, как если бы дело происходило в настоящем бою.

— Вперёд, ур-ра! — кричал он и вместе со «штурмующими» взбирался на вал. — Вперёд! Коли! Руби! Не задерживайся, гони неприятеля!

На гребне вала перед каждой атакой Суворов приказывал устанавливать связанные из камыша фашины. «Не тот удар силён, что воздух колет, а тот, что и силён, и меток, и валит противника», — говорил он, требуя точного и сильного удара штыком.

Уставшие, но весёлые возвращались солдаты в лагерь. «Тяжело в учении — легко в бою и походе, — говорил Суворов, подбадривая солдат. — Не числом, а умением поражают неприятеля. Мы русские, назад ходить не умеем».

Прибыли вышедшие вслед за Суворовым из-под Галаца

¹ Чиновник высшего ранга султанской Турции.

фанагорийцы и апшеронцы. В русском лагере встреча их сопровождалась большим шумом: передвигались войска, падали из пушек. Слухи о том, что русская армия получила крупные подкрепления, проникли в крепость, как того и хотел Суворов.

На военном совете, где собрались начальники стоявших под Измаилом отрядов, Суворов сказал:

— Два раза русские подходили к Измаилу и два раза отступали; теперь, в третий раз, остаётся нам только взять город, либо умереть... Крепость сильна, гарнизон её многочислен, но ничто не устоит против русского оружия... Я решился овладеть этой крепостью, или погибнуть под её стенами. Что предпринять?

— Штурм, — прозвучал голос.

— Кто сказал?

— Я, — поднялся младший по чину из присутствующих казачий бригадир Платов. — Дважды под стенами Измаила имели мы конфузию от турок, но теперь с нами Суворов, — добавил он, видя как оживилось лицо Суворова при слове «штурм».

— Молодец! По-русски сказал.

Совет, недавно ещё решавший снять осаду и отступить, теперь всеми голосами высказался за штурм.

7 декабря Суворов направил к сераскиру (коменданту) Измаила парламентёра с предложением о сдаче крепости. Он писал туркам:

«Приступая к осаде и штурму Измаила российскими войсками в знатном числе состоящими, но соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость при том бываемую! даю знать через сие вашему превосходительству и почтенным султанам! и требую отдачи города без сопротивления. Тут будут показаны всевозможные спо-

собы к выгодам вашим и всех жителей! о чем и ожидаю от сего, через двадцать четыре часа решительного от вас уведомления к восприятию мне действий...»

К официальному письму Суворов приложил краткое и решительное требование сдачи крепости:

«Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войском сюда прибыл; 24 часа на размышление для сдачи и воля, первые мои выстрелы уже неволя, штурм — смерть, чего оставляю вам на рассмотрение».

Турецкий генерал, прочитав письмо Суворова, воскликнул:

— Скорее небо упадёт на землю и Дунай остановится в своём течении, нежели сдастся Измаил!

8 декабря, вечером, Суворов получил официальный ответ сераскира на предложение о сдаче. Не соглашаясь сдать крепость, сераскир подробно перечислял «победы» турок над русскими. Стремясь затянуть переговоры, он ссылаясь на то, что для окончательного ответа ему надо знать мнение великого визиря, а узнать это мнение нельзя раньше как через две-три недели. Затянув переговоры, турки рассчитывали, что близкие зимние холода вынудят Суворова снять осаду и отступить.

Суворов не ответил на это письмо. 9 декабря он отдал приказ о штурме крепости.

«Храбрые воины! — писал он в обращении к войскам. — Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского. Нам предстоит не сражение, которое бы в воле нашей состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании, и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осадила Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается, в третий раз, или победить, или умереть со славою...»

10 декабря начался артиллерийский обстрел крепости. Стреляли орудия сухопутных батарей и с судов дунайской флотилии. Пальба продолжалась весь день. В ночь на 11 декабря в русском лагере никто не спал. Русло Дуная, крепость, все окрестности кутались в густой туман. Кое-где горели костры. Суворов объезжал войска.

— Трудное нам предстоит дело, братцы,— говорил он солдатам.— Турок много, крепость их сильна, да мы— русские, чудо-богатыри, не раз били их. На фокшанской дороге— били, у Рымника— вся армия великого визиря противу нашего корпуса стояла— мы врага опрокинули. Великую викторию¹ одержали. А сия крепость,— Суворов показал в сторону скрытого ночной мглой и туманом Измаила,— говорят турки,— неприступна. Валы её высоки, рвы глубоки, а нам надо её взять... И возьмём.

— Не отступим!

— Возьмём, Александр Василич,— неслись голоса.

— Возьмём,— повторил Суворов.— Мы— храбрая русская армия. Русский солдат привык ходить вперёд, да и я отступление не умею командовать...

Неожиданно, повернувшись к стоявшему близко от него молодому белобрысому солдату, тому, что в день приезда Суворова опрокинул на костер котелок, спросил быстро и резко:

— Ну-ка, скажи: сколько в Дунае рыб?

Солдат на мгновение смутился. Ответить «Не могу знать» Суворову нельзя: рассердится и от товарищей после не оберётся насмешек. На лицах солдат, слышавших вопрос, появились улыбки.

— Тридцать три с четыю мильёна,— громко, смотря прямо в глаза Суворову, выпалил солдат первую пришедшую в голову большую цифру.

— Молодец! — похвалил Суворов.— Угадал.

Вокруг раздался хохот.

¹ Победа.

Провожаемый смехом солдат Суворов мчался к другим полкам.

В три часа пополуночи взвилась ракета. Сигнал — приготовиться. Суворов был на левом фланге своих войск, в шестой колонне, которой предстояло овладеть восточным бастионом и Килийскими воротами крепости. Суворов беседовал с начальником колонны генералом Кутузовым. Невысокого роста, плотный, с чёрной повязкой на левом глазу, генерал вскользь упомянул о трудности предстоящего дела. Суворов пристально посмотрел на него.

— Трудно-с, знаю... Но мы, русские, назад ходить не умеем, а стоянием крепости не возьмёшь, — сказал он. Потом хитро усмехнулся и добавил: — Так-то-с, Михайло Ларивонович! Суворов знает Кутузова, а Кутузов знает Суворова. Кутузов дерётся на левом фланге, а будет моей правой рукой. С богом!

...Шесть часов утра.

В тумане сверкнула и рассыпалась брызгами вторая ракета. Атакующие колонны пришли в движение, занимая исходные рубежи. Суворов сошёл с коня. Теперь, когда всё подготовлено к сражению и приближались решительные минуты штурма, неутомимая энергия, казалось, оставила старого генерала. Он молча постоял около покинутого солдатами догоравшего костра, потом бросил на землю бурку и лёг, завернувшись в неё. Всё это он сделал молча, не обращая внимания на толпившихся позади офицеров его свиты. Казак-ординарец, ближе всех стоявший к Суворову, видел, как тот время от времени открывал глаза, щурился, внимательно всматриваясь в тлеющие угли костра.

В воздухе рассыпалась третья, последняя ракета. Суворов вскочил.

— Знатно отдохнул, — воскликнул он. — Коня!

Войска наступали шестью колоннами. На правом фланге — колонна генерала Львова, — в неё входили фанагорий-

ские и апшеронские гренадеры; на левом — колонна Кутузова. Войскам Львова и Кутузова предстояло овладеть наиболее сильными укреплениями Измаила. Со стороны Дуная действовала гребная флотилия.

Передние ряды фанагорийцев были в трёхстах шагах от крепости, когда с северного бастиона ударила пушка.

— Бегом! — раздалась команда.

И в то же мгновение тёмная громада крепости ожила. Резкие, точно отсеченные языки пламени, вспыхивая, освещали красноватым блеском серую толщу валов и бастионов, каким-то острым, скользким движением падали на густую, чёрную воду рва. Грохотали сотни пушек. С гулом их сливался треск ружей. Крепость окуталась клубами белого дыма. Запахло горькой пороховой гарью. Кое-где в рядах наступавших послышались стоны раненых.

— Стрелки — вперёд! Первая шеренга стреляй, вторая заряжай!

Выделенные заранее в полках команды стрелков бегом рассыпались в цепь по краю рва и открыли пальбу по гребню вала. Ружейный огонь турок ослабел, но пушки не умолкали. С раздирающим свистом над головами наступавших солдат проносились ядра, выла картечь. Казалось, нет человеческих сил, которые были бы в состоянии преодолеть сопротивление неприступной твердыни.

Но огонь не остановил атакующие колонны. Чтобы облегчить переправу через ров, солдаты бросали в него фашины. Те падали с глухим плеском. По плечи в ледяной воде, обжигавшей тело, солдаты переправлялись через ров и накапливались у вала. Одни поднимались по штурмовым лестницам, другие карабкались вверх, цепляясь за каждую неровность земляной насыпи, становясь на плечи друг другу. Прошло всего несколько минут, как начался штурм, а над гребнем вала, заглушая грохот пальбы, уже гремело «ура». Пробив оборону турок, солдаты растекались по валу, штыками и прикладами сбрасывая вниз противника.

В начале сражения был тяжело ранен начальник первой колонны генерал-майор Львов. На его место немедленно встал полковник Золотухин — командир Фанагорийского гренадерского полка. Он приказал двум батальонам фанагорийцев пробиться к Хотинским воротам и открыть их, чтобы ввести в дело резервы. Но получившие крупные подкрепления турки оправились от первого удара. Непрерывными контратаками они оттеснили начавших продвигаться к воротам фанагорийцев. Прижатые к стене, фанагорийцы отбивали турок, но и сами несли потери.

Было уже светло. Туман и дым сражения казались теперь ещё плотнее, ещё непрогляднее. Пушки бастиона Табия, находившегося в руках турок, ревели, не умолкая. Ружейная пальба, крики «ура», «алла» то нарастали, приближаясь, то замирали. Получив донесение Золотухина, что ранен генерал-майор Львов, что прорвавшиеся за вал батальоны не могут продвинуться к Хотинским воротам и вынуждены отбивать ожесточённые контратаки огромных масс турок, Суворов немедленно примчался на правый фланг. Пушки с бастиона Табия стреляли картечью. Золотухин, пренебрегая опасностью, находился на валу. Он только что отдал приказание батальону апшеронцев поддержать гренадер, отбивающихся за валом от турецких контратак. В ту минуту, когда апшеронцы бросились вперёд, Золотухин увидел перед собою Суворова.

Несмотря на холод и сырость, Суворов был в одном камзоле¹, шляпу держал в руке. Не выслушав Золотухина, пытавшегося было сказать об отчаянном положении атакующих, Суворов громко, так, что голос его отчётливо прорывался сквозь грохот и шум битвы, крикнул:

— Поздравляю с победой, орлы, чудо-богатыри! — и повернувшись к Золотухину, спросил строго, нахмурив брови: — Почему не открыты ворота, полковник? Почему не захвачены пушки Табии?

¹ Форма одежды.

— Число турок во много раз превышает число моих гренадер, Александр Васильевич,— ответил Золотухин. — Турки непрерывно контратакуют...

— Турок меньше, чем русских,— перебил Суворов. — Молодцы-гренадеры давно дерутся за валом, а ты на валу, и солдатам твоим, кои бездействуют, большой вред от картечи. — Вперёд! — голос Суворова снова заглушил шум битвы. — Чудо-богатыри! За мной! Ур-ра!

Раздалось такое «ура», что, казалось, дрогнули стены крепости, а разорванный этим кличем туман посветлел. На бегу Суворов сказал Золотухину:

— Откроешь ворота — немедленно бросай в бой резервы и вперёд, вперёд! Не давай туркам опомниться.

...На рассвете русские войска очистили от турок вал от Северного бастиона до Дуная. Но на левом фланге, там, где наступали казаки Платова, вал ещё находился в руках турок. Ров тут был неглубок, вода еле достигала пояса. Передние ряды казаков с хода переправились через него, но вал оказался так высок, что штурмовые лестницы не доставали верха. Казаки задержались, сгрудившись во рву. Вооружение у них было хуже, чем у гренадер: большинство казаков не имело ружей и шло в атаку с укороченными пиками. Задержка во рву едва не явилась причиной их гибели.

Вырвавшийся из ворот отряд янычар набросился на казаков. Дрались по пояс в воде. Холод сковывал движения, немели ноги. Кривые сабли янычар рубили древки казачьих копий. И казаки, и янычары бились с такой стойкостью и ожесточением, словно решили погибнуть, но ни шагу не уступить. Сам Платов, раненный саблей, не покидал боя, сражался в первых рядах.

Серый мозглый туман и серое же мокрое небо, нависшие над землёй, скрывали крепость. Туман поглощал даже звуки боя. Сражавшимся казалось, что здесь, в этой схватке с янычарами, решается участь Измаила. К янычарам подоспели подкрепления, и нажим турок усилился. Казаки сражались теперь один против троих.

Суворов находился около Северного бастиона, захваченного нашими войсками, когда прискакал к нему ординарец Платова. Сбиваясь в словах, ординарец коротко доложил о битве с янычарами, о том, что, хотя и велики потери, казаки держатся.

Пока он говорил, Суворов, как бы не слушая, о чём идёт речь, смотрел в сторону крепости, где грохотала битва. Когда казак умолк, Суворов повернулся к нему. Казак был без шапки. Сквозь платок, прикрывавший его голову, пробивалась кровь. Одежда на нём была изорвана, пышная борода спуталась, в ней застряли обрывки зелёной тины.

— Молодцы казаки! — воскликнул Суворов. — Скачи, голубчик, к Матвею Ивановичу, скажи: сейчас-де Суворов будет.

Ординарец ещё не скрылся из виду, а Суворов уже выстраивал стоявший в резерве полоцкий полк. Через минуту солдаты, во главе с Суворовым, бросились на выручку казаков.

— Вперёд, орлы! — кричал Суворов. — Бей! Коли! Гони неприятеля!

Подоспев, солдаты без выстрела ударили с тыла на янычар в штыки. «Ура» оглушило турок. Те не успели опомниться, как были смяты и опрокинуты. Солдаты полоцкого полка, вместе с казаками, по пятам отступавших янычар ворвались в ворота и заняли вал.

...Войска колонны Кутузова, сбросив турок с вала, захватили сильный неприятельский бастион. Но так же, как и на правом фланге у Золотухина, турки, получившие подкрепления, оправались и прижали к стене прорвавшиеся войска. Стремясь пробиться к Килийским воротам, чтобы открыть их и ввести резервы, Кутузов бросил против турок все полки, предназначенные для штурма. Он оттеснил турок, но те, навалившись «десятеро на одного», снова прижали русских к стене. Кутузов сам повёл вперёд полки, турки попятались, но тут же снова возобновили свои контратаки. Войска Кутузова отбивались штыками. Турки падали, но на смену одним лезли другие; к туркам прибывали всё новые и новые подкрепления. Давно уже рассвело. Солдаты устали от напряжения и

непрерывного боя. Положение становилось невыносимым. Кутузов думал о том, чтобы ввести в бой резервные полки, но приказ Суворова перед боем строго запрещал начальникам колонн использовать резервы до тех пор, пока штурмующие войска не откроют ворота. Нужно было или, нарушив приказ Суворова, ввести резервы, не дожидаясь открытия ворот, и попытаться отбросить турок, или отступить, удержав в своих руках гребень вала и захваченный бастион.

Суворов, исправив положение у казаков Платова, вернулся к Северному бастиону, где находился его штаб. Он говорил с солдатами, готовившимися к новой атаке на турок, засевших в городских зданиях:

— Дома в Измаиле каменные. Каждый — крепость. Валы и бастионы в наших руках, теперь предстоит занять город. Там, где турки не сдаются, выбивай их штыком, где штык не берёт — пулей достань, пуля не берёт — пушку выкати! Наши пушкари — чудо-богатыри, стреляют метко, бьют крепко. В атаке сзади не отставай, посматривай! Равняйся по передним. Шаг назад — смерть.

Было около десяти утра, когда к Суворову явился ординарец Кутузова. Кутузов доносил, что он овладел валом и бастионом, но турок много, ему с трудом удаётся сдерживать их контратаки. «Потери велики в войсках, — доносил Кутузов, — а ворота закрыты... Резерв бездействует».

Суворов с закрытыми глазами молча выслушал ординарца, потом взглянул на него и заговорил так, словно полученное известие его обрадовало:

— Знатно! Успех. Войска Михайлы Ларивоновича за валом, сильный бастион захватили, теснят неприятеля и резервы не введены в бой. Передай Михайлу Ларивоновичу, что я назначаю его комендантом Измаила.

Надо было знать Суворова так, как знал его Кутузов, чтобы понять то, что передал вернувшийся ординарец. Кутузов немедленно ввёл в дело резервный полк. Солдаты, прыгая через убитых врагов, с такой силой ударили на турок, что те не выдержали и попятились. Исчезла усталость

многочасового боя. В этой схватке солдаты со штыками на перевес, без выстрела, преследовали отступавших. И когда в открытых воротах появились свежие полки, солдаты, штурмовавшие вал, продолжали сражаться с тою же силой и мужеством, с какими начинали бой.

К одиннадцати часам были заняты вал и все бастионы крепости, начался бой на улицах.

...Рота капитана Кожина атаковала дом на углу площади. Турки засели внутри каменной ограды, окружавшей дом, и, обстреливая площадь, мешали продвижению русских. Атака дома со стороны площади не удалась. Турки отбили её огнём и, видимо, уверившись в неприступности занятой позиции, отвечали отказом на предложения о сдаче. Огонь турок поражал всех, кто появлялся на площади. Кутузов приказал Кожину выбить турок из ограды дома во что бы то ни стало.

Кожин осмотрелся. Сзади к самой ограде примыкал сад. Кожин занял его. Под прикрытием деревьев солдаты добрались к ограде. С криком «ура» они бросились на турок и стали теснить их. Ещё во время сражения на валу Кожин позабыл про шпагу и дрался штыком. Турки не сдавались. Приходилось брать с боем каждое укрытие и каждое строение, находившееся внутри ограды. Гренадеры проникли в дом. Поняв теперь, что все пути к отступлению отрезаны, турки дрались с таким ожесточением, какого никто не мог ожидать.

Во время боя капрал Храпов пробился к турецкому знамени. Он ударил штыком солдата, державшего знамя, но в ту же секунду путь к знамени Храпову преградили два других турка. В короткой схватке Храпов свалил одного врага, но другой успел поднять знамя и стал отступать к своим. Преследуя его, Храпов схватился за древко. Турок оскалил рот, что-то громко визжал, но знамя не опустил.

— Отдай! — гневно крикнул Храпов.

Турок продолжал визжать.

Храпову мешало ружьё, но он не опускал его. Держась одной рукой за древко, он кричал на турка:

— Отдай! Русским языком говорю: отдай!

Они стояли друг против друга, каждый старался перетянуть к себе знамя. Неожиданно сломалось древко. Это рассердило Храпова. Он отступил шаг и, словно только сейчас вспомнив о ружье, ударил врага прикладом...

Оставшиеся в живых турки сдались. Бой прекратился. Турки бросали оружие и отходили в угол ограды. Теперь, когда казалось, что с ними уже всё покончено, из захваченного гренадерами дома выбежал турецкий офицер и, подняв пистолет, направил его на Кожина. Белобрысый солдат, отвечавший перед штурмом на вопрос Суворова, сколько в Дунае рыб, кинулся на выручку командира. И когда штык его уже коснулся груди врага, тот выстрелил. Кожин упал.

— Эх ты, не успел во-время! — сердито крикнул полвившийся рядом Храпов и обругал солдата. Решив, что Кожин убит, Храпов наклонился над ним.

— Не задерживайся, капрал! — приподнявшись, громко приказал Кожин. — Вперёд!

...Очищая от турок дом за домом, русские войска к полудню пробилась к центру города. Бой стал затихать. Но неподалёку от Хотинских ворот около двух тысяч янычар, засевших в окружённом высокими стенами большом каменном здании, продолжали сопротивление. Здание окружили фанагорийские гренадеры. Полковник Золотухин предложил туркам сложить оружие. Турки обстреляли парламентёра. Золотухин приказал подвезти лёгкую батарею. Прошло четверть часа. Фанагорийцы готовились к атаке. Турки тоже умолкли. Тишина нарушалась только редкими ружейными выстрелами. Выехавшие на позицию артиллеристы установили орудие. «Огонь!» Ядро со свистом прорезало воздух и ударилось в стену здания, образовав в ней глубокую, рваную выемку. За первым выстрелом последовал второй... Ядра били в стены дома; в окна и в образовавшиеся пробоины, визжа, врывалась картечь. Турки поняли, видимо,

безнадёжность сопротивления. Над стеною медленно, словно нехотя, поднялся белый флаг. Золотухин послал ординарца на батарею с приказом прекратить стрельбу. Вышедший вперёд парламентёр потребовал открыть ворота.

Батальон фанаторийцев без боя вступил внутрь ограды. Полковник Золотухин, через парламентёра, приказал туркам сложить оружие. В ответ на этот приказ турки неожиданно открыли огонь. Стреляли из-за укрытий, из окон здания. Гренадеры молча, не ожидая команды, ответили ударом в штыки. Они быстро очистили от противника двор, ворвались в дом. Озлобление за обман и преступный обстрел было так велико, что ни крики о пощаде, ни белые флаги, появившиеся в окнах здания, — ничто не могло остановить grenадер. Они дрались молча, с насупленными гневными лицами, не обращая внимания на свистевшие пули; это был тот суворовский штыковой удар, против которого не мог устоять ни один враг.

Бой прекратился лишь тогда, когда все находившиеся в здании турки были переколоты. Среди убитых нашли труп сераскира — Айдозли-паши.

К двум часам дня сдались последние группы сопротивлявшихся в городе турок. Стрельба утихла. Суворов появился на городской площади. Громким, торжествующим «ура» встретили солдаты своего полководца. Ему долго не давали говорить. Суворов был на коне, но без бурки. Скинув её в начале сражения, он, несмотря на холод, не надевал её. Бурку и саблю вёз неотступно следовавший за ним казак-ординарец.

Отвечая на приветствия солдат, Суворов снял шляпу. — Спасибо, орлы! Чудо-богатыри! Слава вам! — кричал он. И по площади, врываясь в опустевшие улицы и переулки, перекликаясь эхом и подхватываемое другими голосами, снова и снова раскатывалось «ура».

— Спасибо, соколы!.. — голос Суворова тонул в радостных кликах солдат, только что одержавших победу.

Похожий на древнего витязя пышнобородый казак, без шапки, с повязкой поперёк лба, подвёл Суворову коня. Ошеломлённый множеством толпившихся на площади, кричавших на все лады солдат, конь беспокойно прыдал ушами и не стоял на месте.

— Александр Василич, прими наш казачий подарок! На память тебе — от донцов.

Суворов спешил, осмотрел коня.

— Спасибо, братец! — растрогавшись и утирая слезу, сказал он казаку. — Рад, рад... Спасибо всем казакам, чудобогатырям! Знатный конь. «Араб» — чистокровный... Но где уж мне на нём ездить. Отправьте-ка вы его к себе, на Дон, скажите — от генерала Суворова Тихому Дону презент¹. А меня донской конь привёз сюда, на нём я и уеду.

— Наш генерал Суворов в победах и во всём с нами в паю, только не в добыче.

Суворов оглянулся. В говорившем он узнал Храпова. Старый капрал стоял впереди большой группы солдат, принесших захваченные в бою, смятые и изорванные турецкие знамёна.

— Прими, Александр Василич, — сказал Храпов, опуская знамя перед Суворовым. — Как брал его у турка, древко сломалось, — добавил он с сокрушением.

...В тот же день Суворов отправил курьера в Петербург. «Гордый Измаил у ног вашего величества», — доносил он императрице Екатерине. Другой курьер скакал в Яссы, в ставку главнокомандующего Потёмкина.

Отдохнув, Суворов позвал дежурного адъютанта. Когда тот вошёл, Суворов быстро, точно спеша куда-то, шагал по комнате и говорил, размышляя вслух: «Виктория... Слава... Много будет завистников. Виктория, подобная нынешней, недоступна ни одной армии в мире, кроме русской».

В голосе его не было и тени хвастовства. Он, лучше чем кто-либо знавший законы войны, давал беспристрастную

¹ Подарок, приношение.

оценку подвигу, совершенному его войсками. «Удача, скажут,— продолжал он. — Сегодня удача, завтра удача, а когда же умение?» — губы его тронула усмешка.

— Передай, голубчик,— повернулся он к адъютанту,— чтобы ввечеру явились ко мне начальники колонн, да скажи коменданту Измаила генералу Кутузову — всем войскам три дня отдыха. Пусть Михайло Ларивонович сие распорядит.

ОПАЛЬНЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

В жаркий летний день 1797 года, у ворот небогатой помещичьей усадьбы, стоявшей в конце села, крытые соломой избы которого раскинулись двумя посадами вдоль берега овражистой, мелководной речонки, остановилась облезлая и исцарапанная почтовая бричка. Из неё степенно вывалился разомлевший на жаре полный чиновник, по виду — лет сорока пяти. Он был в чёрном плаще, посеревшем от дорожной пыли; из-под надвинутой на лоб форменной треуголки, поверх плаща, опускалась тугая, как плеть, перевитая проволокой косица, тоже серая от пыли. Чёрный бант на кончике её был примят и топорщился, напоминая большую засушенную бабочку.

По обе стороны ворот, у которых остановилась бричка, вдоль частокола, очевидно, недавно исправленного, так как в нём кое-где белели свежееобструганные колья, росли редкие топольки; сквозь листву их хорошо был виден жилой господский дом и другие постройки усадьбы. Дом был старый, покосившийся на передний угол; тесовая крыша на нём потемнела и разохлась, а на переднем крае её, над карнизом, как гребень, торчали вылезшие наполовину чёрные зубы гвоздей. Стекла в несоразмерно высоких, с переплётом в клетку, будто нарисованных окнах, выцвели; они сверкали и переливались на солнце осколками радуги. Сзади, окружая службы, к усадьбе подступала берёзовая рощица, заменявшая парк. По опушке её тянулась прямая липовая аллея — она отделяла рощу от овсяного поля. За рощей, на другом

берегу речонки, пестрело разнолесье, а вдали, как огромная тёмнозелёная шапка, возвышалась гора, склоны которой были покрыты плотными зарослями молодого ельника.

Село называлось Кончанское. Оно, как и усадьба, принадлежало отставному фельдмаршалу Александру Васильевичу Суворову.

Приехавший чиновник постоял около брички, видимо, ожидая, что его встретит кто-нибудь из людей; но на дворе, как и в самом доме, не наблюдалось никакого движения. Даже дворовая собачонка с лохматым, задранным вверх хвостом, в котором гроздьями налипли сухие репы, выскочившая было из ворот,— лениво, словно по обязанности, брехнула на гостя, обежала кругом брички, обнюхала пришедший к колесу, высохший уже навоз и снова укрылась в тень. То, что его не встретили, чиновника не смутило. Он оправил треуголку и, велев кучеру распрягать коней, направился в ворота.

Тут внимание его привлёк шум, который доносился откуда-то из-за амбаров. Кто-то кричал резким, повелительным голосом, словно отдавал военную команду. Чиновник усмехнулся и, не заходя в дом, повернул к амбарам. За ними, на плотно утопанной полянке, он увидел фельдмаршала.

Опираясь на палку, прихрамывая на раненую ногу, Суворов быстро ходил вдоль фронта выстроившихся перед ним ровной шеренгой десятка полутора крестьянских ребятишек. Он был без шляпы, в мягкой белой рубахе; на одной ноге у него надет сапог, на другой (на которую он прихрамывал) — домашний чулок и кожаная туфля. Чиновник снял треуголку и поклонился. Занятый своим делом, Суворов не заметил этого. Он что-то горячо объяснял стоявшему перед ним «босоному войску». Шея, лицо фельдмаршала, его непокрытая лысина, с растрепавшимся на ветру хохолком волос надо лбом, блестели загаром. Так прошло довольно много времени. Наконец, потеряв терпение от ожидания, пока Суворов заметит его, чиновник решительно шагнул вперёд.

— Ваше сиятельство!..

Суворов круто повернулся. Увидев чиновника, он тронулся навстречу гостю.

— Рад, рад видеть тебя, сударь,— остановившись и церемонно отставив ногу, скороговоркой проговорил он. — Спасибо, не забываешь.

— Помилуйте, ваше сиятельство, считаю своим долгом...

— Спасибо, спасибо,— перебил гостя Суворов. — А я вот, сударь, от ничегонеделания с чудо-богатырями марширую,— он показал на шеренгу ребятишек. — Им игра, а мне удовольствию.

Чиновник надел треуголку. Неловкость, какую чувствовал он, пока не заговорил Суворов, исчезла.

— Удивления достойно, ваше сиятельство,— приятно улыбаясь, явно желая польстить Суворову, сказал он. — Вы — знаменитый фельдмаршал — играете с детьми ваших крестьян...

Суворов не дал закончить гостю, громко расхохотался, замахал рукой:

— Уморил, сударь,— сквозь смех, жмурясь и вытирая глаза, выговорил он наконец. — Ей-ей уморил,— повторил он. — У нас, сударь, в России-матушке, фельдмаршалам нынче делать нечего-с. Прощка! — не передохнув, крикнул он, обернувшись к дому. — Скажи Матвейчу, чтобы маршировал за меня с чудо-богатырями, да скажи, чтобы шаг ходили не в аршин, а в три четверти,— царский указ на то. Господин Николев,— Суворов показал на стоявшего рядом с ним чиновника, — барин строгий, осудит. Ну-с, как здоров, сударь? — спросил он у Николева.

— Спасибо, здоров-с.

— Откуда изволил нынче прибыть к нам?

— Проездом, ваше сиятельство. Еду в Тихвин.

— Слышал я, сударь, что ты чином пожалован?

— Так точно-с. Монаршею милостию.

— Поздравляю... Выслужил. Старайся, сударь, и впредь, эщё наградят.

— Исполнять волю монарха долг каждого верноподдан-

ного,— с торжественной важностью произнёс Николев, словно не замечая иронии, прозвучавшей в словах Суворова.

— Да, да... Долг,— задумчиво сказал Суворов и вдруг, взглянув в упор на Николева, добавил: — Я бы не мог... Да-с... Прощка, вели самовар нести!

К чаю стряпуха принесла блюдо холодной говядины, нарезанной ломтями, тёртый, настоенный на квасе хрен, хлеб... Прохор, денщик Суворова, поставил графин с тминной водкой и доложил:

— Александр Василич, отставной секунд-майор Кожин, именице которого за Дубихой, человека послал; спрашивает — сына представить.

— Иваныч?! — начал было Суворов, но вдруг лицо его потемнело. — Не принимать! — сердито сверкнув глазами, крикнул он Прохору.

— Старик под Измаилом был, Александр Василич, — напомнил Прохор.

— Не принимать! — не слушая Прохора, крикнул Суворов ещё громче. — Нам с тобой, Прощка, сие не указано. Ни мы из дому, ни к нам в дом. Не веришь мне — спроси у его благородия. Господин Николев за хорошую службу свою чином пожалован; инструкция у него от самого генеральс-прокурора сиятельного князя Алексея Борисовича Куракина, в коей так сказано: «Когда бы он, граф Суворов, вознамерился куда-нибудь поехать в гости, или на посещение кого-либо, то представлять ему учтивым образом, что по теперешнему положению его, того делать не можно; если же бы он оказал тут своё усиление, то объявить ему о сём высочайшую волю и потом отказать наотрез».

И точно всё, что он говорил Прохору, не имело отношения к Николеву, Суворов обратился к нему:

— Люди мои мало учёны, сударь, худо виноватых разыскиваю.

Николев не знал, что сказать. Клетчатый платок, которым он вытирал лоб, взмок от пота. Николева поразило всезнайство Суворова: как мог опальный фельдмаршал узнать

содержание секретной инструкции князя Куракина? Он дал Николеву понять это и тому оставалось лишь, как ни досадно, притвориться, что слова Суворова он принимает за шутку.

— Прокопыч в доме? — спрашивал между тем Суворов у Прохора.

— В доме, — неохотно, будто сердясь, ответил тот.

— Скажи ему — после обеда коня седлал бы, на Дубиху еду... Грибы брать.

В Кончанском, куда Суворов был сослан под надзор прикомандированного к Боровическому городничеству коллежского асессора Юрия Николева, великий полководец ничем не нарушал своих привычек и порядка повседневной жизни. Общество его составляли: денщик Прохор и двое отставных солдат — Матвейч и Прокопыч. Все трое, по словам Николева, как он однажды писал в рапорте генерал-прокурору князю Куракину, «люди непокорные и нетрезвые». Они безотлучно находились при доме. Изредка Суворова навещал Боровический городничий — Вындемский. Принимать иных гостей или навещать кого-либо самому Суворову было воспрещено. Зато его часто можно было встретить в гостях у своих крестьян: бывал он и на свадьбах, и на крестинах, играл с крестьянскими детьми, трезвонил на колокольне, читал и пел в церкви за дьячка.

Вставал он ежедневно в четыре часа утра, обливался холодной водой, пил чай. После обеда отдыхал. Иногда предпринимал прогулку верхом на Дубиху и подолгу сживал на вершине горы. Вечерами Суворов читал. Читал он много, отрываясь от этого занятия тогда лишь, когда утомлялись глаза.

Из глуши, живя под полицейским надзором, опальный фельдмаршал внимательно следил за событиями в Европе. Повсюду гремела слава генерала Бонапарта. Прислушиваясь к тому, что говорили и писали о Бонапарте, Суворов глубже

своих современников проникал в замыслы молодого полководца. Он предугадывал, что рано или поздно Бонапарт двинет свои войска на Россию, что всё, что он делает сейчас неизбежно толкнёт его на этот путь. Суворов тщательно изучал возможные театры будущей войны, сравнивал силы противников. «Пора, пора унять мальчика, далеко шагает», — нередко повторял он вслух. Что Суворов мог сделать? Он в опале, отставлен от службы, от армии. Но он сохранил свою гордость, свой прямой, честный и неподкупный характер. На советы друзей — обратиться к императору Павлу с просьбой о прощении, Суворов молчал, или говорил, что он уже стар, что ему полезно уединение, пора отдохнуть, что он ни на что не жалуется.

Сегодня он так усердно потчевал Николева тминной, что тот еле-еле выбрался из-за стола. Приказав Прохору отвести гостя в комнату на антресолях и не будить его, Суворов накинул поверх рубашки канифасный камзольчик, в котором обычно ездил на прогулку, и, как был, без шляпы в одном сапоге вышел на двор. Там ждал его оседланный конь. Вскочив в седло, Суворов тронул поводья и шагом спустился к речонке, перебрался через неё вброд, потом перевёл коня на рысь и исчез в кустах.

На узкой дорожке, где ехал Суворов, было прохладно. Ельник, покрывавший склоны, местами рос так густо, что стена его казалась непроницаемой. Пахло смолой. Лучи солнца, пробиваясь в просветы между ветвями, ласкали мягкую зелень мхов, резные, похожие на опахала, лапы папоротников, тонкие и нежные кустики зверобоя.

Лес был тих. Нетерпимо и зло наседали пауты. Отгоняя их, лошадь мотала головой, била хвостом. Яркозелёное ожерелье молодых ёлочек окружало поляну на вершине горы. Поднявшись туда, Суворов, не рассёдывая коня, пустил его на траву, а сам направился к огромному зелёному шатру старого дуба. Сняв камзольчик, Суворов разостлал его в тени дуба и лёг. Он любил этот чудесный уголок и, бывая на

Дубихе, подолгу в уединении сживал здесь, глядя на раскинувшиеся внизу бесконечные поля, рощи, дальние сёла.

По ту сторону дуба посылались голоса. Суворов поднялся. Сквозь низко нависшую над землёй листву он различил силуэты людей. Их было двое: старик в поношенном зелёном кафтане старого, полувоенного покроя, и другой — молодой офицер. Старик был невысок, на деревьяшке вместо левой ноги; молодой — выше его на голову. Хорошо пригнанный чёрный мундир, какие носили теперь в армии, ловко сидел на его плечах. Начёсанные, завитые на висках бубли не портили и не искажали его красивого лица, с мягкими, очень короткими, тёмными усиками. Разговаривая, офицер то и дело трогал их, как бы забавляясь радующей его игрушкой. В старике Суворов узнал отставного секунд-майора Кожина, о котором давеча говорил Прохор; молодой же, видимо, сын майора, представить которого Суворову хотел старик.

— Зря, батюшка, шли мы,— говорил молодой офицер, обращаясь к отцу. — Граф отказался принять нас у себя, а здесь и подавно его не увидим.

— Александр Васильевич сказал, что будет нынче на Дубихе, значит, будет,— убеждённо, словно в том, что он говорит, не может быть сомнения, заявил старик.

— Мне, право, неловко батюшка,— сказал опять молодой.— Не рассердится ли граф на нашу навязчивость?

Старик с неподдельным удивлением уставился на сына, точно в словах того прозвучало что-то недоступное пониманию.

— Фельдмаршал Суворов не сердится на тех, кто под его командой кровь свою за отечество пролил,— громко и отчётливо выговаривая слова, произнёс он. Да, глянь-ка, Миша! Вон у тех ёлочек... Никак конь осёдланный,— старик поднял к глазам ладонь. — Так и есть,— добавил он.

Они направились к опушке ельника, где старик увидел коня. Суворов вскочил, обежал дуб и неожиданно появился перед стариком и молодым офицером.

— Показывай, Иваныч, своего орла,— издали, на ходу, говорил он. — Ну-с!

Остановившись, он некоторое время молча смотрел на застывшего перед ним офицера, донельзя смущённого внезапным появлением знаменитого полководца.

— Подойди, сударь!

Офицер сделал шаг вперёд и снова замер.

— Хорош! За такого молодца родина спасибо скажет тебе, Иваныч. — Суворов обернулся к старику. — В войско едешь? — он снова спросил офицера.

— Так точно, ваше сиятельство, в полк.

Старый майор вытер слезу. Похвала Суворова молодому офицеру до того растрогала старика, что он, забыв обо всём, воскликнул:

— Александр Васильевич, не оставьте своей милостью!

— Ты о чём, Иваныч? Чем я могу миловать?

— Возьмите Мишу под свою команду!

— Взял бы, ей-ей взял бы,— сказал Суворов. — Да ты, Иваныч, забыл о том, что Суворов нынче не армией собирается командовать, а в монастырь... Суворов отставлен-с.

Но старика не убедили эти слова. Он прошёл с Суворовым не одну кампанию, знал его и верил, что когда позовёт родина, не кто иной, как фельдмаршал Суворов поведёт к победам русское войско. То, что Суворов в ссылке, под полицейским надзором, не поколебало веры старого солдата в своего полководца. Он, как умел, и высказал это. Суворов, посмотрев на него, заговорил серьёзно, точно поверяя заветную мечту, выношенную им в своём уединении.

— Ты прав, Иваныч. Били мы с тобой многих врагов, но теперь встаёт враг сильный, далеко он шагает. Австрийцев он бил, немцев бил... Многих побил он, хватит ли времени унять его? В тиши-то своей мечтаю я схватиться с молодым ястребом. Приведётся если — побью, помилуй бог, побью! Так ли я сказал, сударь? — Суворов неожиданно обратился к молодому офицеру.

— Так точно, ваше сиятельство! Ястреб упадёт к вашим ногам,— не задумываясь, быстро ответил тот.

— Молодец! Немогузнайка, лукавка — гибель солдату. В полку поступай так, чтобы солдат верил тебе, считал тебя начальником и своим другом. Бойся ретирад, равняйся по передним! В походе — быстрота, в деле — натиск. Победа!

Наступила зима. Село, окружающие его поля, усадьба — всё занесено снегом. С вечера в окошках изб кое-где мелькнут дрожащие огоньки и скоро гаснут. Холодный сон зимней ночи нарушается только свистом вьюги да громким щёлканьем мороза по промёрзшим углам. Но и в эту пору в господском доме далеко за полночь видно свет в побелевшем, украшенном причудливой морозной росписью угловом окне. Вырываясь наружу, отблески его еле заметными синеватыми искрами вспыхивают на пышной бахrome инея, украсившей деревья.

— Не спит Александр Василич,— говорят в Кончанском.

— Прохор сказывал — читает, либо пишет. Человек-то он самый знаменитый по всей России.

Незадолго до масленицы размеренную, тихую жизнь Кончанского встревожило неожиданное событие. К Суворову прискакал фельдъегерь из Петербурга. То был молодой Горчаков, племянник Суворова. Фельдмаршал радушно встретил гостя. Дав ему отдохнуть с дороги, позвал к себе и долго расспрашивал о Петербурге, об армии... Не спрашивал об одном — о цели приезда.

Во время обеда Суворов вдруг вскочил и хлопнул в ладоши:

— Прощка!

— Тут я, Александр Василич, — прогудел Прохор, входивший в это время в комнату.

— Без ножа зарезали, — Суворов возмущённо набросился на Прохора. — Коза, что у Микитки-конюха, жива?

— Что ей станется, Александр Василич.

— Как её кличут?

— Машкой, — поднял брови Прохор, не догадываясь о причине возмущения Суворова.

— Знаю, потому и спрашиваю. Указывал я переменить прозвище сей козе, а нынче, слышу, зовет Микитка: Машка, Машка!..

— Вестимо уж...

— Вот, — Суворов повернулся к Горчакову. — Слышал?

Не понимая ничего, тот растерянно улыбнулся.

— Не слушают меня, — продолжал Суворов. — Сколько раз твердил всем, что царский указ превыше всего чтить надобно-с. А что я поделаю, сударь, не чтут-с.

— О каком указе вы говорите, граф?

— И ты не знаешь? Стыдно, сударь! У самого царя служишь. Его величество, государь император Павел Первый указал, чтобы в империи Российской коз и кошек Машками не называть, так как обида через то может быть императорскому дому. У нас же — в каждой избе, что ни кошка, то и Машка. А тут ещё коза... Хорошо вот ты — промолчишь по-родственному, не скажешь на меня, а приведись чужой кто — нацарапает доносик генераль-прокурору: так, мол, и так, сиятельный князь, в усадьбе отставного фельд-маршала Суворова все козы и кошки прозываются Машками. Каково это мне? Я, славу богу, в походах и сражениях не уступал Юлию Цезарю, кампаний не проигрывал, в фельд-маршалы российские за дела мои, а не при пароле пожалован. Нынче я отставлен, ненадобен-с. А всё потому, сударь, что учён я говорить прямо-с. Царские любезники из Гатчины прусские порядки принесли в русскую армию... Худо сие, о том я и сказал. Букли не пушки, косы не тесаки, и мы, сударь, не прусские, а природные русские. Прежде солдат наш от гадости чист был, а букли первая доука воину. Вместо сапог — стиблеты, а они — гной ногам. Ты зачем послан? С какою вестью прибыл в сию глушь?

Неожиданность, с какою Суворов переменял разговор и спросил Горчакова о цели приезда, привела того в замешательство.

— Государь ищет примирения с вами, граф, — ответил Горчаков. — Он повелел передать вам, чтобы вы приехали в Петербург.

— В Петербург?.. — повторил Суворов, задумался немного, потом встал, прошёл до окна, постучал пальцами по стеклу и вдруг, резко повернувшись к Горчакову, сказал: — Не поеду. Не в обиду тебе, сударь, не поеду! Я не Репнин, в учение к Аракчееву и Канабику не пойду, прусский устав заучивать не стану-с. Чему нам учиться у пруссаков? Русские прусских всегда бивали. Я не наёмник, сударь, и русское войско не наёмное. Так-с.

— Государь ищет примирения с вами, граф, — повторил Горчаков, пытаюсь выразить то, что казалось ему необходимым и нужным. — Посылая меня, он сказал, что всегда высоко ценил ваши заслуги и никогда не считал вас в числе генералов, делавших карьеру на придворных балах. Если бы государь не боялся уронить свой престиж, он первым извинился бы перед вами. И я, и все ваши искренние друзья, просим нынче: уступите желанию государя! Вы нужны армии, нужны родине..

Суворов слушал с закрытыми глазами. У Горчакова замерло сердце. По дороге в Кончанское он знал, что не легко будет ему выполнить поручение Павла. Видимо, и Павел считался с трудностью этой задачи, потому и выбор посланца пал на Горчакова, племянника фельдмаршала. И при дворе, и в армии знали о том, что за милость царя Суворов не поступится ни одним из своих принципов. Все знали, что великий полководец глубоко огорчён реформами в армии, проводимыми Павлом, что Суворов в грош не ставит ни прусскую муштру, ни новые формы одежды, ни вводимые армейские уставы, повторяющие уставы короля Фридриха. Сейчас, ожидая, что скажет Суворов, Горчаков думал, что от этого ответа зависит не только успех его мис-

сии, но и судьба его самого — флигель-адъютанта императора.

— Красно говоришь, сударь, — начал Суворов. — Красно, растрогал. Пожалуй, наслушаюсь этак-то и тоже заведу себе букли по-нынешнему. Но случится сие — не будет Суворова, — возвысил он голос. — Я создал науку, с помощью которой побеждал врагов отечества, а мне говорят, что моё искусство дикое, беспорядочное, ибо оно противоречит воинским принципам короля Фридриха. Не могу я, сударь, с тем согласиться.

— Не решайте сразу, граф! — в отчаянии воскликнул Горчаков.

— Я, сударь, в монастырь уйду, — спокойно, словно давно уже это решено, сказал Суворов. — Грехов много, пора их замаливать. А льстить, потворствовать неучам и любезникам — не умею.

— Вас ждут отечество, армия...

— Хитёр ты стал, сударь, помилуй бог! — усмехнулся Суворов. — Хитё-ёр... Прощка! — Суворов крикнул своего денщика.

— Я, Александр Василич.

В двери показался Прокопыч. Высокий, стриженный в кружок, седоусый, в старом капральском мундире.

— Прощка где?

— Со двора ушёл, Александр Василич.

— Сходи-ка ты, Прокопыч, к попу... Не посылай никого, сам сходи. Скажи — ввечеру был бы он ко мне. Гость-де важный из Питера прибыл.

До прихода попа Суворов успел немного вздремнуть. Вечером, когда он вышел к гостям, на нём, вместо канифасного камзолчика был фельдмаршальский мундир, но без шитья; туфлю на раненой ноге заменил сапог. За столом фельдмаршал сидел прямо, как бы нарочито важничая перед гостями. Горчаков был в недоумении. Его удивила пере-

мена, которую он увидел в Суворове. Сначала он предположил, что это чудачество фельдмаршала, но когда Суворов заговорил, Горчаков понял, что тот не шутит.

— Выслушай, отец мой, — серьёзно начал Суворов, обращаясь к попу. — Племянник мой из Питера прибыл ко мне с вестью: соскучились-де там без Суворова. И графов, и генералов много при дворе у царя, а Суворова нет. Те генералы при пароле пожалованы генеральством, а я генеральство своё в сражениях с врагами отечества заслужил, кампании выигрывал, виктории одерживал многие. Просит меня нынче царь прибыть в Питер, вины обещает забыть, а я, помилуй бог, старик больной, страшусь — не растрясла бы дорога. Как быть? Хочу послушать, что ты скажешь?

Попик был одногодком Суворову, так же, как он, тщедушен, но, пожалуй, ещё ниже ростом. От слов Суворова, обращённых к нему, он покраснел и в смущении принялся тереть лысину.

— Уж скажете вы, Александр Васильевич, — проговорил он. — Какой уж я советчик вам-то — храбрейшему из храбрых, сильнейшему из сильных. И в писании говорится...

— Ты, отец мой, не от писания, от себя скажи, — перебил Суворов. — А похвалы твои мне — отрицаю. Самые храбрые и смелые люди, кои мне памяты, это — Марко Курций, князь Яков Долгорукий и наш староста Антон, отец нынешнего Фомы. Марко Курций для спасения Рима бросился в пропасть, Яков Долгорукий всегда говорил правду в глаза Петру Первому, а староста Антон один на медведя ходил. Так-то. Говори, отец мой!

— Скажу, Александр Васильевич, не сердись уж за то, что скажу, — начал поп. — Овсей Кузьмич — дьячок наш — немощен. Ты, Александр Васильевич, службу во храме отправляя исправно. Кончанские наши зело восхваляют. Выйдет, говорят, Александр Васильевич с апостолом пред амвоном, да как возгласит «братие»... Ровно бы, говорят, крылья вырастают от его гласа. Покинешь ты нас — храм наш тих станет; велика будет тогда моя скорбь.

Суворов, не перебивая, выслушал речь попа, и когда тот умолк, обернулся к Горчакову:

— Слышал, сударь, что сказал поп? Со своей колокольни он на мир смотрит, а сказал правду. Рад я сему, зело рад. В сражениях не отступал я перед врагами отечества моего, а стал по государевой воле из фельдмаршалов российских дьячком, и ту науку постиг. Сколько, бишь, нынче фельдмаршалов за ненадобностью из службы уволено?

— Семь, — подумав, ответил Горчаков.

— Семь... Помилуй бог! Остался Репнин, да тот не в счёт. Он у Канабиха в учении. А генералов отставлено больше трёхсот, я первый отставлен-с, поэтому я нынче генерал генералов. Великая честь то. Вот и решай: попу моему я, как дьячок, зело надобен; жалеет и плачет он, коль уйду, а там, в Питере при царе в бездельниках с бездельниками состоять буду. Нрав свой, сударь, я не переменю, как сражение делать — ни у Канабиха, ни у другого кого, и у самого прусского короля Фридриха переучиваться не стану-с. Моя наука — наука побеждать врагов. Кто не достиг понимания её, кто в сражениях опаздывал, да за спину других прятался, тому не учить меня.

— Граф, государь просит вас, — поняв, что Суворов отказывается исполнить желание царя, в отчаянии воскликнул Горчаков. — Он возвращает вам свою милость, вы будете при армии.

— Армия сильна единым сердцем со своим полководцем, — возразил Суворов. — Я — солдат. Со связанными руками, ни перед фрунтом, ни на биваке не могу явиться. Благодарю, сударь, царя за честь, оказанную мне, но немощен я, слаб, не переживу пути. Я, сударь, отечество моё превыше всего ставлю и не сделаю того, что, по разумению моему, не возвышает России.

Горчаков не знал, что сказать. Ясно было, что суть отказа Суворова выехать в Петербург кроется не в обиде за отставку, не в болезнях и старости... Суворов не желал быть фельдмаршалом для парадов. Он первым осудил прусские

реформы Павла; этим реформам он противопоставил свою систему воспитания и обучения армии, открыто высказываясь за то, что его система лучше. Правильность своего мнения он доказал в многочисленных сражениях, выигрывая битвы там, где поражение казалось неизбежным. Овеянное славой имя его, любовь войска, знание им души русского воина, — всё говорило за то, что Суворов мог и имел право на осуждение того, что противоречило его взглядам. Он прямо и смело сделал это, за что и был сослан в глушь, под полицейский надзор.

Пока Горчаков ломал голову над тем, как убедить фельдмаршала изменить своё решение, Суворов, словно забыв обо всём, о чём только что говорилось, беседовал с попом о женихе для его дочери, обещая быть и сватом и посажённым.

— Венчать как будем их,— говорил он,— спую «Исайя», да такое, отец мой, какого под Измаилом не пел, а уж на что жарко было.

— Александр Василич, дозвожь слово молвить!

Никто не заметил, как в комнату вошёл Прокопыч. Следом за ним показались Матвейч и Прохор. Те остановились у входа, а Прокопыч подвинулся к столу.

— Говори,— вскинул на него глаза Суворов.

Прокопыч вытянулся, как мог. На лбу Суворова образовалась глубокая складка. Старый солдат и фельдмаршал пристально смотрели в глаза друг другу.

— Мы командой пришли, Александр Василич,— громко сказал Прокопыч.— Его сиятельство, господин офицер, правильно изволили представлять. Ехать надобно тебе, отец наш, в Питербурх.

— Вот как, и вы...

Суворов опустил на руки голову и молчал. Все замерли, ожидая его слова. Видно было, что речь старого солдата поколебала решение фельдмаршала. А так как молчание его длилось долго, на выручку Прокопычу выступил Матвейч.

В отличие от гренадерского роста первого, Матвейч был невысок, левый рукав его кафтана засунут в карман.

— Ехать тебе, Александр Василич, беспременно ехать,— сказал он.

Суворов не отвечал. Как бы рассуждая с собой, он повторял еле слышно:

— Не ждал, не ждал сего...

Но вот он поднял голову. Взглянув на стоявших перед ним солдат, выпрямился, нахмурил брови.

— Вы кто такие? Кто — спрашиваю.

— Мы с тобою, Александр Василич, с самого Кинбурна... Во всех кампаниях, — не моргнув глазом, ответил Прокопыч.

— Ты знаешь, кто я?

— Так точно, знаю. Его сиятельство, фельдмаршал Суворов.

— А ты?

— Состою на службе фельдмаршала Суворова, отставной капрал Храпов.

— Кто у нас командует: я — фельдмаршал, или ты?

— Ты, Александр Василич, чины свои и я капральство своё — кровью в сражениях великих заслужили. Русская армия нынче без головы, а голова у неё одна.

— Чья же?

— Фельдмаршала Суворова.

— Помилуй бог! Видишь, сударь, — Суворов снова обратился к Горчакову, словно оправдываясь перед ним. — Какую волю надо мной взяли. Прощка! — прервал он себя. — Налей тминной... и себе, и им.

Прохор молча выполнил приказ.

— Не я нынче, они за меня решают, — Суворов показал Горчакову на солдат. — Суворов не фельдмаршал боле, не командует войском, он подчиняется.

— Граф, вы едете? — просияв лицом, воскликнул Горчаков.

— Спроси у них, сударь, у чудо-богатырей. Они со мною изо всех рек — и турецких, и австрийских, и прусских —

воду пили и кашу варили на той воде. Но ты, сударь, поезжай вперёд, скачи сломя голову, на то и чин твой, а я сзади прибуду. Ухарствовать нынче и поп не благословит меня.

Прибыв в Петербург, Горчаков явился во дворец. Павел жил в Зимнем. Дежурный флигель-адъютант Муравьёв — однополчанин Горчакова — предупредил того по дружбе, что государь в прескверном расположении духа. Во время утреннего туалета, — рассказывал Муравьёв, — его величество собственноручно избил не угодившего ему камердинера. При следовании на развод его величеству показалось, что косица у стоявшего на часах в вестибюле дворца лейб-гвардейца короче положенной воинским уставом длины и завита недостаточно туго. Его величество приказал лейб-гвардейцу повернуться спиной, начал сам измерять косицу, но за поспешностью сдвинул парик. Разгневавшись на это, он ударил солдата по лицу хлыстом.

— Сто палок! — подражая голосу Павла и имитируя его жесты, передал вполголоса Муравьёв.

Во дворце тихо. Стоявшие на часах лейб-гвардейцы напоминали изваяния. Павел находился во внутренних покоях, но Горчакову казалось, что царь где-то совсем близко, что он наблюдает за всем, что происходит здесь. Самое опасное раздражить его какой-либо мелочью. Наблюдательный взгляд Павла подметит малейшее несоответствие в одежде, нечёткость в движении и тогда... Никто не может знать того, что взбрédёт в голову недоверчивому и мстительному царю.

Но в Горчакове всё было безукоризненно. Одежда его точно соответствовала уставу, телом своим он владел, как автомат. «Лишь бы найти верный тон, — рассуждал он про себя. — Лишь бы не раздражить...» Когда, после долгого ожидания, Муравьёв пригласил его в кабинет Павла, Гор-

чаков вошёл к царю, как положено, прусским укороченным шагом, задирая высоко ноги и доотказа вытягивая носок.

Павел встретил его стоя.

— Здравствуй, — сказал он. — Рассказывай!

Горчаков начал рапорт царю о своей встрече с Суворовым. Покуда он говорил, Павел не смотрел на него, но и не перебивал. Глаза его были устремлены куда-то вдаль, мимо лица офицера. Голос Горчакова, звучал ровно; хотя казалось, что Павел не слушает рапорт, но веки его беспокойно дёргались. Шторы на окнах были полуопущены. И, должно быть, от того, что в кабинете царил полусумрак, лицо Павла казалось бледным, отчётливым и неподвижным, как в гробу.

Он был некрасив и мал ростом. Неестественно приподнятый лоб тяжело давил сверху. Глаза его — круглые, навывкате, — были расставлены так широко, что нос — маленький, с глубокой перехватиною на переносье, весь испещрённый тонкими, как волоски, синими жилками, совершенно исчезал среди выпуклых, напудренных, подрумяненных щёк. Особенно запоминался его рот — широкий, с вывороченными губами и приподнятым правым углом. Как будто, иронически усмехнувшись, рот царя так и застыл в этом положении. Если бы не брови, которые то поднимались вверх, доползая чуть ли не до половины лба, то, опускаясь, хмурились, закрывая глаза, Горчаков мог бы подумать, что он имеет дело не с живым человеком, а с куклой, облачённой в тугую, с лежачим воротником, чёрный мундир, перечёркнутый наискосок груди голубой андреевской лентой. Белые лосины, вправленные в блестящие лакированные сапоги, с высокими каблуками, и белоснежный парик, густо напудренный, с ровными, крепкими, как камни, буклями над далеко оттопыренными ушами, ещё резче подчёркивали сходство Павла с куклой.

— Едет? — коротко спросил он, прерывая Горчакова.

— Так точно, ваше величество. Фельдмаршал Суворов отбыл из Кончанского вместе со мною.

— Почему ты явился один? — брови Павла недовольно поползли вверх. — Где фельдмаршал?

— По причине нездоровья отстал в дороге, ваше величество, — не растерявшись и не моргнув глазом, ответил Горчаков.

— Фокусы, всё фокусы, — ворчливо промолвил Павел. — Говорил он с тобою?

— Так точно, государь.

— О чём?

— Фельдмаршал Суворов сказал, что он рад служить вашему величеству. Фельдмаршал глубоко огорчён прошлыми своими ошибками.

Стараясь вызвать у Павла лучшее впечатление о Суворове, Горчаков не жалел красок. Он ни одним словом не обмолвился о том, что в действительности говорил ему Суворов. Горчаков передавал лёгкие и лестные для болезненного самолюбия Павла слова, надеясь, что ко времени приезда Суворова Павел забудет о них, а Суворов, если бы и узнал, что говорил о нём Горчаков царю, не станет отрицать это вслух. Он отделается тем, что пожурит племянника.

Прошло около недели. Суворова в Петербурге не было, и никто не знал, где он находится. Павел, терпеливо ожидавший его в первые дни по приезде Горчакова, теперь, встречая офицера, опускал брови. Если что и удерживало его от вспышки гнева — это нежелание обидеть Суворова. Несмотря на несогласие знаменитого фельдмаршала с реформами в армии, Павел хотел видеть его при своём дворе. При всей неприязни к упрямому фельдмаршалу, не желавшему подчиниться воле царя, Павел не забыл, что в дни, когда он жил в Гатчине нелюбимый матерью и её приближёнными, Суворов относился к нему без обычных своих причуд и без того пренебрежения, какое Павел встречал у екатерининских вельмож. Теперь многие из тех молчали, другие заискивали перед Павлом, Суворов не молчал и не заискивал; он резко, как умел, осудил нововведения в армии, осуждал Павла и его приближённых, называя их

презрительно «гатчинцами». Это вызвало гнев Павла, отставку и ссылку Суворова.

— Где твой дядя? — спросил Павел Горчакова, встретив его после развода.

— Не могу сказать, ваше величество. Я боюсь, что...

Гроза готова была разразиться. Но, должно быть, Горчаков родился под счастливой звездой. То, за что другой поплатился бы в лучшем случае переводом из гвардии в армию, ему прошло безнаказанно.

Павел не дослушал его, круто повернулся и, ничего больше не промолвив, отошёл.

Как только весть о прибытии Суворова в Петербург достигла Павла, он немедленно послал любимца своего, графа Кутайсова, навестить фельдмаршала и просить его во дворец.

Кутайсов застал Суворова в больших хлопотах. Без мундира, в одной мягкой рубашке, он суетился среди разбросанных вещей. Кутайсов явился к нему во всем блеске придворного кавалера, с андреевскою звездою на груди. Встретив его, Суворов некоторое время стоял неподвижно, потом вежливо спросил:

— С кем имею честь говорить?

— Обер-шталмейстер двора его императорского величества граф Кутайсов, — представился блестящий граф. — Государь император спрашивает: как здоровье вашего сиятельства, не очень ли вас разбило дорогою; когда вы, ваше сиятельство, сможете пожаловать во дворец?

— Нынче же, если будет то угодно государю, — ответил Суворов.

— Его величество ожидает вас с нетерпением, ваше сиятельство.

— Спасибо, спасибо! Помилуй бог, сколько сиятельств. Вы, ваше сиятельство, наверно, человек иностранный? Осмелюсь спросить: откуда-с изволили на Русь выехать?

У нас не слышать было о роде графов Кутайсовых. Давно ли прибыли к нам, с какого времени состоите на службе его величества?

Суворов говорил необыкновенно учтиво и подчёркнуто любезно, как истый придворный. В тоне его было столько искреннего любопытства, что Кутайсов откровенно и подробно рассказал о том, что он — граф Кутайсов — не иностранец, что в бытность нынешнего государя наследником имел счастье состоять цирюльником его высочества. За верную ту службу ныне возведён в графское Российской империи достоинство.

— Помилуй бог! — восклицал Суворов. — Хорошо, ваше сиятельство, поздравляю, поздравляю!..

Он долго жал Кутайсову руку, потом, оставив гостя, позвал:

— Прощка!

— Я, Александр Василич, — явился Прохор.

— Худо служишь, худо бритвы точишь, — ворчливо начал Суворов. — Учись у его сиятельства — выслужишься.

На следующий день Павел назначил вахт-парад. Павел сам командовал учением Преображенского полка. Глядя, как рослые преображенцы маршируют укороченным прусским шагом, задирая вверх ногу с вытянутым носком, Суворов морщился, ёжил плечами, то и дело поджимал руками живот. Горчаков, внимательно наблюдавший за Суворовым, выбрав удобный момент, сказал:

— Граф, государь ждёт вашего одобрения, скажите ему!

— Не могу, сударь, — Суворов сморщился и поджал живот. — Не могу-с. Уеду. Брюхо болит.

— Что скажет государь? — испуганно прошептал Горчаков.

— Ничего-с. Останусь — умру, помилуй бог!

Не успел Горчаков что-либо возразить Суворову, как преображенцы, промаршировав мимо Павла, замерли ровным четырёхугольником. Павел оставил команду и подошёл к Суворову:

— Как вы, Александр Васильевич, находите наше учение? — спросил он.

— Хорошо, прекрасно, ваше величество, только вот тихо вперёд подаются.

У Павла дрогнули вски. Неожиданно он очень любезно предложил Суворову:

— Прокомандуйте по-вашему, граф!

Обернувшись к войскам, Павел крикнул:

— Слушать команду фельдмаршала Суворова!

Суворов не заставил долго просить себя. Прихрамывая, он быстро пошёл вдоль фронта войск. Увидев стоявший за преображенцами батальон фанаторийского полка, Суворов воскликнул:

— Есть ещё детушки моц, чудо-богатыри!

Осмотрев войска, он вышел на средину фронта, обнажил шпагу и скомандовал:

— Ружья на перевес! В атаку! За мной, в штыки, ура-а!

По площади разнеслось могучее, суворовское «ура». Ни Павел, и никто из присутствующих не успели сообразить, в чём дело, как войска были перед бастионами адмиралтейства. Мигом опрокинули палисады, перебрались через ров и лезли уже на бастионы. Не прошло и десяти минут, как бастионы были «захвачены». Туда же, на самый верх, солдаты подняли на руках Суворова. Победоносное «ура» снова разлилось над площадью. Суворову подали знамя. Держа знамя правой рукой, левой Суворов снял треуголку, поздравляя с победой.

Придворные генералы в замешательстве толпились за спиной Павла. Выделявшаяся среди других неподвижная, прямая, как статуя, высокая фигура генерала Аракчеева словно олицетворяла собою преданность и рабскую покорность зятю в чёрный мундир, курносому, с накрашенными одутловатыми щёками человеку, стоявшему впереди. Тонкий хлыст, который тот держал в руке, судорожно вздрагивая, ударял по лакированному голенищу.

— Ваше величество... — произнёс Аракчеев. И во всём—

в его неподвижной фигуре, в тоне голоса — сквозило убеждение, что сейчас последует приказ о наказании непокорного фельдмаршала. Но Павел молчал. Вдруг он повернулся и, не простившись ни с кем, покинул площадь.

В тот же день Суворов подал рапорт Павлу. Жалуясь на болезни свои, он просил разрешения отбыть в Кончанское.

Прошёл год. Суворов попрежнему жил в Кончанском. Прибывший туда вскоре после возвращения Суворова из Петербурга Боровический городничий Вындемский долго рассказывал Суворову местные новости и, наконец, как бы между прочим, заметил:

— Обижаются на вас соседи, Александр Васильевич. Не бываете вы нигде.

— Куда уж мне, сударь, — отмахнулся Суворов. — Ведомо-с вам об инструкции генеральс-прокурора, да и стар я. Господин Николев вот что-то меня нынче забыл, не навестил-с.

— Николев отозван в Петербург, Александр Васильевич, — сказал Вындемский. — Я с тем и прибыл к вам, чтобы о том сообщить. Теперь-ваша воля — у себя принимать и самому в гости.

Суворов промолчал, как бы сомневаясь в том, правду ли он услышал.

— Надзор приказано снять, — пояснил Вындемский.

— Спасибо! Хоть за то спасибо! — оживился Суворов. — Да куда я ныне... Поясница болит, — сморщившись, он схватился за спину.

Между тем, в Петербурге, кажется, забыли о Суворове. Обречённый на бездействие, великий полководец внешне ничем не проявлял глубокой тревоги, охватившей его при известии о том, что русский корпус под начальством генерала Розенберга выступил в Италию. Суворов жил в своём уединении, в обществе верных ему людей. Сам он никуда

не выезжал, но у себя охотно принимал окрестных помещиков. На их расспросы о том, что думает он о начавшейся войне с французами в Италии, Суворов отвечал неопределённо:

— И, батенька, что я могу думать! Стар-с.

— Правда ли, ваше сиятельство, что польские помещики ищут с вас убытки, причинённые им русскими войсками при взятии Варшавы?

— А с кого им искать? Варшаву брал Суворов, — горько усмехаясь, отвечал он. — Может, и убытки турецких султанов за Измаил и Рымник придётся мне покрывать.

Откровеннее, чем со всеми, Суворов говорил со своим старым сподвижником секунд-майором Кожиным. Теперь тот часто бывал в Кончанском. Уединившись, они подолгу беседовали о военных событиях. Чем дальше шло время, тем вести из Италии становились менее утешительными. Французы наносили австрийским войскам одно поражение за другим и к зиме совершенно вытеснили их из Италии. С часу на час можно было ждать сообщения о вторжении французов в Австрию.

— Война, Иваныч, не плац, — говорил Суворов, беседуя с другом. — На плацу — шаг в три четверти, а на войне — шаг в аршин, в захождении — полтора. Букли да косы... Помилуй бог! На плацу и Канабих командует, а в сражении... В сражении, Иваныч, не спрашивай, можно ли тебе бить неприятеля. Главнокомандующему в сражении полная власть. Действуй наступательно. В походе — быстрота, в атаке — штыки на перевес... Ура! Коли! Не давай опомниться! В поле войску меньше потерь, чем в осаде. Разведай неприятеля, собери всю силу в кулак, ударь по врагу, когда он не ждёт. Не довелось мне встретиться с «молодым человеком», а жаль. Благоприятели мои пишут из Петербурга, будто австрийцы, по совету английского министра Питта, требуют Суворова в начальники армии, а императору Павлу легко ли сие слышать. Суворов отставлен-с.

— Под Измаилом покойному князю Григорию Алек-

сандровичу тоже не лестно было Суворова звать, а пришлось.

— Князь Григорий Александрович не любил меня, знаю-с, но голова у него была умная, а нынче... Канабих да Аракчеев.

С началом холодов Суворов, жалуясь на болезни, реже стал выходить из дому, отказывался от приглашений соседей. В доме у него ежедневно собирались дети крестьян, Суворов обучал их грамоте. «За учёного двух неучёных дают», — повторял он пословицу; называл способных учеников орлами, чудо-богатырями. По вечерам он, как и прежде, подолгу читал. Иногда требовал перо и чернила. Он писал письма к дочери, к оставшимся в Петербурге друзьям, записывал свои мысли, дополняя и развивая то, что в своё время было сказано им в «Науке побеждать».

Незадолго до рождества во двор кончанского дома прибыла карета, запряженная шестернёю угодом. Суворов вышел навстречу гостю, кланяясь, проводил в комнаты, суетился, говорил, что не знает, чем потчевать. Гость — отставной гвардии корнет, владелец обширного поместья, находившегося часах в трёх езды от Кончанского, сказал, что он прибыл познакомиться со знаменитым фельдмаршалом и пригласить к себе на бал, по случаю именин жены.

— Весь уезд ко мне соберётся, ваше сиятельство, — говорил он, — буду почитать за величайшую честь принять вас. И жена моя просила передать вам её особое приглашение.

— Очень польщён-с... Непременно-с буду, — обещал Суворов.

Утром, в день именин помещицы, когда Прохор принёс чай, Суворов сказал:

— Нынче к важному барину на именины супруги его еду-с. Сколько исправных лошадей у нас на конюшне?

— Небось, десятка полтора, Александр Василич.

— Мало. Как же я на пятнадцати поеду к важному барину. Он — корнет, а приехал к нам шестернёй, а я

фельдмаршал... Нам с тобой, Прошка, ниже корнета быть не пристало-с. Собери ты всех исправных лошадей на конюшне и какие найдутся в селе, пусть заложат их цугом, форейторов¹ посади... В полдень выедем.

На конюшне и в селе набралось восемьдесят лошадей. Их, как приказал Суворов, заложили цугом. В усадьбе именинницы, пока на глазах у дворни и высыпавших поглазеть на невиданный поезд гостей, форейторы свивали в клубок растянувшийся цуг, Суворов сидел в возке. В доме он поздравил именинницу, держался очень чопорно и, не дождавшись, когда гости сядут за стол, вдруг крикнул Прохора, велел закладывать, распрощался и уехал. Уехал обратно на одной лошади.

Гости разводили руками, ахали, недоумевая по поводу необычного появления Суворова и его скорого отъезда. Все знали нелюбовь его к пышности и старались доискаться причины чудачества. Хозяин, только что гордившийся честью принимать у себя знаменитого полководца, казался очень огорчённым, но он никому не обмолвился, как сам ездил к Суворову шестернёй и что за неуместную пышность свою наказан Суворовым так, как только тот мог наказать.

В конце января Суворов прихворнул. Его лихорадило. Он велел истопить баню, но озноб не проходил. Промаявшись ночь, Суворов с трудом поднялся. Прохор, готовя бритву, сказал:

— У Петра, изба-то что с рябинами, на прогоне, сын родился, Александр Василич.

— Третий у него?

— Третий.

— Крестить буду, скажи о том Петру, а роженице — кумачу на сарафан.

¹ Верховой, правящий передними лошадьми при запряжке цугом (гуськом).

Но крестить у Петра Суворову не пришлось. Едва Прохор закончил бритьё, как во двор усадьбы, гремя бубенцами и колокольчиком, влетела фельдъегерская тройка. Суворов взглянул в окно. Увидев выскочившего из возка молодого генерала, сказал стоявшему у двери Прохору:

— Приехали за нами, Прошка, укладывайся на дорогу!

— Может, депеша то, Александр Василич.

— Депеши генералы не возят.

Прибытие незнакомого генерала всполошило всех в доме. За месяц перед тем фельдъегерь доставил Суворову письмо из Петербурга. Суворов принял пакет, осмотрел его, прочитал адрес и, возвращая письмо фельдъегерю, сказал:

— Письмо не ко мне.

— Оно написано по воле государя, — воскликнул растерявшийся офицер.

— Тут сказано, — Суворов показал на адрес, — «Фельд-маршалу Суворову», а если я фельдмаршал, то должен быть при армии. Я отставлен-с, живу в деревне. Письмо не ко мне, — повторил он.

И, не приняв письма, ушёл.

Суворов, видимо, был убеждён теперь, что приезд незнакомого генерала вызван гневом Павла на отказ принять письмо; генерал прибыл объявить волю царя. Велев Прохору укладываться на дорогу, Суворов не знал пока, куда ему предстоит выехать: в ссылку ли в отдалённый край, или в монастырь.

Он стоя принял гостя.

— Генерал-майор Толбухин, — отрекомендовался тот, вытянувшись перед Суворовым. — От государя императора, — добавил он, протягивая пакет с тяжёлыми сургучными печатями.

Суворов взял пакет. В открытой двери показались лица Матвеича и Прокопыча.

— Увезут Александра Василича, — вздохнул Прокопыч.

В пакете находилось собственноручное письмо Павла.

«Граф, Александр Васильевич, — вслух прочитал Суворов. — Теперь нам не время рассчитывать. Виноватого бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Моё дело на сие согласиться, а ваше спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей время, а у меня удовольствия вас видеть...»

Суворов поднял глаза на стоявшего перед ним генерала; быстро шагнул к нему и крепко пожал обе руки.

— Садитесь, генерал! Прощка, вели подать самовар и всё, что найдётся у нас. Немедля укладывайся, ждать некогда-с. Скажи попу — служил бы молебен. Долго я пел басом, теперь еду петь Марсом.

На другой день, чуть свет, Суворов выехал из Кончанского в Петербург.

БИТВА НА ТРЕББИИ

Переправившаяся морем в Геную французская армия генерала Макдональда в конце мая 1799 года спустилась с Аппенин и начала продвигаться на соединение с армией генерала Моро. Моро, хитро маневрируя, распускал слухи о том, что он направляется к Александрии. Главные силы союзной русско-австрийской армии, действовавшей в Италии, находились в Турине. Получив известие о движении Макдональда, фельдмаршал Суворов, главнокомандующий союзными войсками, немедленно выступил к Александрии, чтобы помешать соединению французов. По размытым, совершенно испорченным проливными дождями дорогам русские войска прошли «суворовским» орлиным маршем. В Александрии Суворов получил донесение о том, что Макдональд крупными силами атаковал у Модены австрийский корпус Гогенцоллерна и отбросил его к Мантуе. Вскоре французы потеснили у Пиаченцы авангард союзников — корпус генерала Отта. Это раскрыло перед Суворовым замысел французов: задержать его в районе Александрии и тем временем уничтожить разбросанные в долине реки По австрийские корпуса, а после, соединившись, разгромить главные силы русских.

Опасность была велика, но Суворов уже противопоставил французам свой план. Зная теперь, где находится противник, он решил выступить сначала против Макдональда, наиболее опасного и сильного противника, разбить его, а затем нанести удар Моро. Суворов послал распоряжение

Отту держаться между Пармой и Пиаченцей; оставив у Александрии пятнадцатитысячный заслон против Моро, Суворов вечером 4 июня выступил навстречу Макдональду.

Надо было спешить. Сопровождаемые лёгкими обозами войска двигались с невероятной быстротой. По сторонам дороги, где следовала армия, тянулись бесконечные сады и виноградники. Жара стояла невыносимая. Страдавшие от жары солдаты, не вытерпев, срывали кое-где по дороге незрелые плоды, сердились и ворчали:

— Эх, братцы, попозже бы сюда... И яблоки бы тебе, и другие фрукты. Садов-то — конца нет.

— На то она и Италия.

— На квартиры бы тут стать...

— Станем и на квартиры. Разобьём французов и станем. А ну, прибавь шагу, ребята! — поторопил говоривших статный, с закрученными усами, капрал.

— Куда ещё... Идём так, что котлы отстали, каши не будет, — ответил тот, что мечтал о «квартирах».

— Не будет каши — сухари есть.

— Сухарь — первая солдатская еда. Квасу бы к нему нашего, русского!..

Утром 6 июня войска вступили в Страделлу.

Вдали, сливаясь с горизонтом, синели вершины Аппенинских гор. Городок, утопавший в зелени, сиял и сверкал на солнце черепицей островерхих кровель. Первым вступил в Страделлу батальон гренадерского полка полковника Трубникова. Смешавшиеся на дороге ряды выровнялись и подтянулись. С барабанным боем и песнями, словно не было позади утомительного перехода, солдаты прошли по улицам через весь город и расположились на отдых около зарывшегося в овраг прозрачного ручейка. Кухонные котлы действительно отстали. Разложив костры, солдаты принялись кипятить воду.

— Ох, и жара, братцы! В лесок бы теперь, в березнячок... Хорошие леса у нас, под Рязанью.

— А ты захватил бы с собой в ранец Рязань-то.

Вокруг засмеялись. Но разговор о Рязани напомнил и другим о дорогих им местах родины. Капрал, торопивший на походе солдат, мечтательно вздохнул и сказал:

— Что ваша Рязань! Наши костромские леса — это вот, братцы, леса-а! Побывали бы у нас на Вексе.

— Кто костромской — Семибратов? Так ведь Кострома-то — Россия. А в России — и леса, и поля — глазом не окинешь. Простор! Реки какие, о! Лучше России, братцы, нигде земли нет.

— А мы — войско русское. Не было нас — бил француз австрийцев, а перед нами он отступил.

— Как ему не отступить? Кто устоит перед нами? Турок бегал, пруссак бегал, швед бегал, ныне француз...

— Стой, братцы! Гляди, кто там пылит на коне?

Семибратов приставил к глазам ладонь, защищаясь от солнца.

— Александр Василич, сам главнокомандующий, — узнал он. — Никак сюда... Смирно, ребята!

Майор Тревогин, командир расположившегося у ручья батальона, поспешил навстречу Суворову, чтобы отдать рапорт.

— Не надо! — строго оборвал его Суворов, бросив поводья и спускаясь с коня. — Почему солдаты не отдыхают у тебя, майор? Кто командовал «Встать»?

— Никто, Александр Васильевич. Солдаты увидели вас...

— Сидеть, всем сидеть! — приказал Суворов и добавил. — Обедать и отдыхать!

Суворов был без мундира, в белой рубаше и шляпе, из-под которой выбивались редкие косичками волосы. Явившись в Италию и приняв командование армией, он не носил ни парика, ни буклей; под предлогом жаркой погоды и того, что Павел при прощании в Петербурге сказал: «Воюй, как умеешь», — Суворов приказал и войскам не носить париков. Теперь он с удовольствием смотрел на загорелые лица солдат, на их тёмные, русые и седые головы.

— Есть отсталые в батальоне? — спросил он у Тревогина.

— Весь батальон налицо, Александр Васильевич, — ответил тот. — Отсталых нет.

— Орлы! Чудо-богатыри! — похвалил Суворов. — Русский солдат не идёт, летит в походе. Француз нас не ждёт, а мы ему, как снег на голову.

Солдаты принялись за прерванную еду. Ели сухари, прихлёбывая из котелков горячую воду. Суворов подошёл ближе.

— Хорош ли суп, братцы? — присмотревшись к солдатскому обеду, усмехнулся он.

— В ручье брали да подогрели, Александр Василич, — ответил за всех Семibrатов.

— Знатно. Дайте ложку, попробую.

Он опустился на землю среди потеснившихся солдат. Ему подали ложку. Взяв сухарь, Суворов размочил его и, прихлёбывая воду, съел.

— Горяч, — похвалил он. — Думал вода, а это итальянский суп, помилуй бог!

— И правда, итальянский!.. — засмеялись солдаты, довольные тем, что с ними обедал Суворов. — То-то горяч!

— Русский солдат, братцы, и прусский, и турецкий, и всякий суп ел, а нынче итальянский...

— Оттого и боится француз русского штыка.

— Русский солдат — чудо-богатырь, — сказал Суворов, когда умолкли шутки и смех солдат по поводу «итальянского супа». — В бою идёт вперёд. Коли, руби, ура! Победа наша. Прибыл я из Питера в Вену, к римскому цезарю, а там генералы умные, учёные... Показали они мне план кампании. Написан тот план по всей военной науке: со стоянием под крепостями, с ретирадами. За нынешнюю-де кампанию надо оттеснить французов до реки Адды. За Адду цезарские генералы испугались показать нос. Посмотрел я на их план, да и зачеркнул-с. «Русский солдат не знает ретирад и не мне этому учить его», — сказал я «умникам». — Я не закончу на Адде кампанию, а с Адды начну ее». На Адде мы разбили неприятеля, далеко зашли, помилуй бог! Был

в Вероне, Милане, Турине. Нынче Макдональд спешит со своей армией на помощь битому нами Моро, а мы не дадим соединиться им, побьём порознь. С нами и цезари стали лучше. Их пехота ноги боялась промочить в походе, отучили мы её от этой боязни, таинству побивения неприятеля штыком и другим холодным оружием учим. Русский солдат привык наступать, и я ни ретирады, ни «стой» не командую и не велю командовать. Скажи-ка, братец, что делать русскому солдату при встрече с неприятелем? — внезапно спросил Суворов у сидевшего рядом Семибратова.

— Бить его, — не задумываясь, ответил капрал.

— Так. А после, как побьёшь?

— Гнать его, опомниться не давать.

— Молодец! — похвалил Суворов. — Спасибо, соколы! — крикнул он, поднявшись в седло. — Порадовали.

Наклонившись к Тревогину, Суворов шепнул ему:

— Не солдаты — орлы у тебя, майор.

Усталый, запылённый австрийский офицер остановил взмыленного коня у домика, где расположился Суворов. Бросив поводья, офицер вбежал на крыльцо.

— Фельдмаршалу Суворову, — бросил он встретившему его дежурному адъютанту.

— С какой вестью? — любопытствовал адъютант.

— Армия Макдональда атакует. Генерал Отт приказал передать, что он не сможет продержаться до вечера, вынужден отступить.

— Кто приказал отступление? — раздался громкий голос Суворова, и вслед за тем сам фельдмаршал показался в открытой двери. Откуда? — последовал вопрос.

— От генерала Отта, — офицер вытянулся, передавая донесение.

— Макдональд наступает крупными силами, — прочитав письмо, вслух произнёс Суворов. — Отт отступил за

Тидону... Господин офицер,— Суворов резко повернулся к австрийцу. — Немедленно на коня! Передайте своему генералу — отступление невозможно! Приказываю держаться до прихода подкреплений.

При последних словах фельдмаршала на лице офицера промелькнула гримаса неудовольствия. Видимо, спеша с донесением, он мечтал об отдыхе, а вместо отдыха предстояло вновь садиться в седло и скакать к Отту. Заметив гримасу, промелькнувшую на лице офицера, Суворов добавил резко и строго:

— Скорее, скорей, господин офицер! Передайте генералу Отту: отступление невозможно.

Надвигавшаяся опасность разгрома Отта, казалось, удесятерила силы старого полководца. Он принял решение — спешить на помощь. Суворов рассчитывал, что Макдональд ещё не знает о только что проделанном марше от Александрии главных сил союзников, что французам придётся встретиться с русскими войсками. Суворов отдал приказ о немедленном выступлении. Сам он, во главе четырёх казачьих полков и двух полков австрийских драгун, бросился вперёд. Командование остальными силами он поручил Розенбергу.

— Марш на походе — бегом! Команды «Стоять» — не употреблять, мы не на ученье, а в сражение, — приказал он.

Не успевшие отдохнуть войска выступили из Страделлы. Суворовские чудо-богатыри продвигались вперёд с такой быстротой, что это казалось недоступным для человеческих сил. Спеша к месту развернувшегося сражения, солдаты не шли в походе, а бежали. В этом изумительном по своей скорости и слаженности марше в полном блеске сказалась знаменитая тактика Суворова, его система воспитания войск, суворовская закалка, умение полководца в решающую минуту воодушевить солдат.

— Скорей, скорей, — несло по рядам.

Выбившиеся из сил, передохнув минуту, вскакивали и вновь бежали вперёд, догоняя своих. Никто на походе не

замечал живописных окрестностей, раскалённого солнцем знойного воздуха. «Скорей» — это слово повторялось всюду, им жили, оно как будто и явилось той силой, которая подняла людей, бросила их вперёд, навстречу врагу; никто и ничто не могло сдержать этот порыв.

— Скорей, скорей, братцы!

Это было необыкновенно. Это был марш, изумивший и врагов и союзников; он восхищал великолепной твёрдостью человеческой воли, русской солдатской доблестью, единством стремлений всего войска — от солдата до фельдмаршала, — непреклонной верой в победу.

Под давлением французов генерал Отт отступил за Тидону. Покрытые виноградниками, каменными оградами, изрытые канавами холмы представляли собою удобные рубежи для обороны. Около трёх часов дня корпус французского генерала Виктора, переправившись через Тидону — мелководную реку, не составлявшую серьёзного препятствия, — начал наступление с фронта. Французы захватили восьмипушечную батарею австрийцев и стали теснить их. Но австрийцы, пользуясь преимуществами своих позиций, держались стойко. Вслед за Виктором начал наступление польский корпус Домбровского, находившийся в войсках Макдональда. Домбровский пошёл в обход правого фланга австрийцев. Над обороняющимися нависла угроза окружения. Управление боем расстроилось. В страхе перед фланговой атакой австрийцы начали отступать.

В это время на поле боя появился Суворов.

Довольно было одного его взгляда на ход битвы, чтобы принять решение. Недаром он придавал огромное значение в бою искусству глазомера и в совершенстве сам владел им. Казаки Грекова и Поздеева с хода ударили во фланг Домбровского, драгуны Левенера и Карачая атаковали по фронту войска Виктора, а казаки Молчанова и Семерникова

стали угрожать обходом его флангу. Наступление французов задержалось. Успех был невелик: силы Макдональда в несколько раз превышали численность войск Суворова, принимавших участие в этом бою; но, сорвав задуманный противником план атаки, Суворов выиграл время.

Показался авангард русских войск. Прошло тридцать шесть часов со времени выступления из Александрии. Войска, совершившие восьмидесятивёрстный переход, немедленно вступали в сражение. Суворов приказал отряду Горчакова ударить по правому флангу противника, Отту атаковать в центре Виктора, Багратиону — левый фланг французов.

— Начать атаку всем одновременно, — приказал Суворов. — Барабанщики и трубачи — вперёд!

— Александр Васильевич, надо повременить хотя бы час, пока подтянутся отставшие, — сказал Багратион. — В ротах нет и по сорок человек, — добавил он, объясняя просьбу.

Суворов взглянул на своего любимца, усмехнулся, быстро подошёл к нему и сказал шёпотом:

— У Макдональда нет и двадцати, атакуй, князь Пётр!

Полки с барабанным боем двинулись в атаку. Суворов был впереди. Пренебрегая опасностью, он разъезжал по фронту, подбадривал солдат. На пути то и дело приходилось перебираться через каменные изгороди виноградников, овраги и канавы. Наступавшие в центре австрийцы и — на левом фланге — войска Горчакова ещё не видели неприятеля, когда Багратион, одновременно с казаками, уже атаковал Домбровского. Поляки были скоро смяты и отступили. Багратион стал теперь угрожать флангу Виктора.

— Ура! Коли! Руби! — кричал Суворов. Его белая рубаха была видна всюду.

— Ур-ра!

Французы не выдержали натиска. Начиная бой, они рассчитывали в лёгком сражении разгромить австрийский корпус Отта, и вместо этого столкнулись с главными силами Суворова. Под натиском русских войск они не могли устоять и откатились от Тидоны к реке Треббия.

Отступив к Треббии, Макдональд начал подготовку к новой атаке. Битва на Тидоне происходила 6 июня, Макдональд назначил атаку на утро восьмого. Обладая и без того численным превосходством, он предполагал, что к утру восьмого к нему подойдут войска генералов Монришара и Оливье, находившиеся на расстоянии одного перехода от Треббии, а кроме того, в тыл к Суворову спешила армия Моро. Если бы эти расчёты Макдональда оправдались, тогда Суворов оказался бы в ловушке и был бы вынужден отступить.

У Суворова далеко не все силы были стянуты к месту боя; где-то задержались идущие на соединение с ним австрийские корпуса. Но он разгадал план Макдональда. Чтобы не дать французам передышки и не допустить их усиления, Суворов решил сам атаковать Макдональда — на следующий же день, 7 июня, с утра. Готовясь к этому сражению, он действовал с большой осмотрительностью и осторожностью. Отдав распоряжения к бою, он приказал отдельному отряду генерала Чубатова немедленно идти на соединение с армией, посланные в тыл офицеры собирали отставших во время похода; Суворов приказал также построить мост через реку По, чтобы облегчить переправу ожидавшимся войскам австрийского генерала Края. В случае неуспеха сражения, переправа через По позволила бы с меньшими потерями перебросить армию на левый берег этой реки. Это было важно потому, что отступление, если бы Суворов был к нему вынужден, старым путём на Александрию угрожало встречей с Моро. В диспозиции, которую Суворов дал перед сражением на Треббии, он указал маршрут войск на тридцать километров вперёд, для преследования неприятеля. Ни в диспозиции, ни в устных распоряжениях, ни в наставлении войскам, которое он разослал перед боем, ни словом не упоминалось об отступлении. Суворов подтвердил свой прежний приказ — команды «Стоять» не употреблять.

Главные свои усилия Суворов направил против левого фланга французов, угрожая этим сообщениям Макдональда

с Моро, а в случае успеха, при разгроме левого фланга французов, армия Макдональда была бы прижата к По.

Численный перевес войск был всё же на стороне Макдональда.

Колонна, действовавшая против левого фланга французов, состояла из авангарда Багратиона, русской дивизии Швейковского и двух австрийских драгунских полков. При этой колонне находился Суворов.

В десять часов утра войска тронулись с исходных позиций. Как и накануне, жара стояла невыносимая. Войска двигались медленно. Лишь во втором часу дня передовые части Багратиона увидели перед собой неприятеля.

Это был корпус Домбровского. Багратион начал атаку. И с той, и с другой стороны сражение велось с упорством и мужеством. Домбровский всё же принуждён был отступить за Треббю. С подходом подкреплений французы предприняли ряд ожесточённых контратак. Багратион отбил их.

Бой продолжался до вечера. Войска союзников добились успеха, но этот успех не говорил ещё о разгроме Макдональда. Французы сохраняли свой численный перевес. Кроме того, к ним подошли, ожидавшиеся только восьмого, отряды Монришара и Оливье. С наступлением темноты бой прекратился. Русские и французы готовились на следующий день возобновить сражение.

Гренадеры полковника Трубникова заняли позиции на берегу Треббии. Противник был так близко, что в темноте солдаты отчётливо слышали чужую речь. Трубников находился среди солдат.

— Зорче наблюдайте за неприятельским берегом, братцы,— говорил он, показывая на реку, где горели огни французов.— Нападёт неприятель — не отступать! Встретим его по-русски.

Река, разделявшая противников, хотя и широкая — на тысячу шагов, — местами так обмелела, что вода еле до-

стигала колена. Трубников опасался ночной вылазки французов и предупреждал об этом солдат.

Он говорил тихо. Немного сутулая, на коротких кривых ногах фигура его и в темноте казалась такой же невзрачной, какую солдаты привыкли видеть её днём. Было непонятно, чем этот скромный офицер сумел завоевать себе доверие солдат? Даже строгий и придирчивый Багратион высоко ценил полк Трубникова. Всюду, где нужно было проявить не только храбрость, но спокойствие и находчивость, чаще других оказывался Трубников. Выполнив своё дело, он вновь становился тем, кем был; даже похвалы себе он принимал с таким видом, словно они были незаслуженными и стесняли его.

Сегодня, после утомительного марша и двухдневного упорного сражения, войска нуждались в отдыхе; кому-то нужно было охранять их отдых. Эта обязанность выпала на долю солдат Трубникова.

Он приказал не зажигать костров. Солдаты не получили на ужин сухарей и довольствовались тем, что было в ранцах.

— Хорошо бы итальянского супу теперь,— послышался приглушенный голос. В темноте не видно говорившего, но по окающей неторопливой речи можно было узнать Семибратова.

— Вся река перед тобой, хочешь пей, хочешь купайся.

— Горячего бы,— всё так же мечтательно протянул Семибратов.

— Вода, как вода, что холодная, что горячая...

— Э, нет! Как вскипятишь, будет не вода, а суп итальянский.

— Завтра француз даст горячего. За рекой-то, слышишь,— галдит!

На небе показалась луна. Река, тёмная и неприветливая до того, вдруг ожила. Наискосок, с берега на берег, точно серебряный мост, протянулась светлая полоса. Синее, плотно усыянное звёздами небо опрокинулось в воду, и река от того стала глубокой и прозрачной, как воздух. Трубников выбрался за ограду и, держась в тени, прошёл ближе к воде.

Освещённая луной река напомнила Трубникову другие места, родные, знакомые с детства. Перед глазами его вдруг встали затерянная в вологодских лесах деревенька, старый одноэтажный дом, в котором родился и рос Трубников, липы перед окнами... Вспомнились берег Судьбицы, густой ольшанник, в котором пряталась речонка, широкий, чистый омут у мельницы. Говор солдат, их смех в сложенный горстью кулак, доносившиеся из-за изгороди, ещё ярче напоминали Трубникову такие же тихие летние вечера там, на родине; ему вспоминались милые, знакомые лица, всё самое неповторимое, близкое и родное.

Неожиданно впереди раздался плеск. Словно кто-то упал в воду и барахтается в ней. Воспоминания оборвались. Трубников насторожился. У неприятельского берега река пряталась в густую тень. Плеск и лёгкое побулькивание доносились оттуда. Но вот, ближе к середине, над водой появился силуэт человека. Человек, пригнувшись, не шёл, а точно плыл к русскому берегу. За первым показались ещё фигуры: вторая, третья... «Француз», — точно порох на полке, вспыхнула мысль. И, как всегда перед боем, сильнее забило сердце. Трубников поднялся и негромко подал команду:

— В ружьё!

Говор солдат затих. Послышалась короткая возня. Рядом с собою, над изгородью виноградника, Трубников увидел лицо Семибратова.

— Взгляни, кто там, — Трубников показал на реку.

— Француз, — присмотревшись, подтвердил догадку Трубникова Семибратов. — Он...

Французы, пригибаясь над водой, приближались к русскому берегу. Передние уже миновали стрежень, а позади возникали всё новые и новые фигуры; казалось, что они появляются из воды. Трубников подождал. Передние уже почти у самого берега.

— Огонь! — резко прозвучала команда.

Сотнями коротких яркокрасных ножей сверкнуло пламя

выстрелов. Над берегом поднялись белые клубы дымок, и ветер потянул их куда-то на зелёные караваны виноградников. Прогремел второй залп. Следом затрещали отдельные выстрелы. Французы открыли по берегу беспорядочную пальбу. И, как бы подбадривая их, с французского берега грохнула пушка, другая... В ответ на огонь французской батареи отозвались пушки русского берега.

— В атаку, вперёд! — громко, тем звенящим, проникающим в сердце, взволнованным голосом, который выражает и гнев и уверенность в то, что всё будет именно так, как сказано, крикнул Трубников.

Теперь, когда бой начался, Трубников обрёл то спокойствие, которое позволяло ему трезво оценивать обстановку на поле. Мозг его был напряжён. Трубников даже не рассуждал. Он мгновенно принимал решения, в полной уверенности, что то решение, которое принято им, является единственно правильным для данной минуты. Первым встретил врага батальон Тревогина. Трубников видел, как во главе своих солдат Тревогин бежал к реке и прыгнул в воду.

Вспышки выстрелов, грохот пушек на том и другом берегах, множество людей, заполнивших реку от берега до берега,— всё это, озарённое серебристым блеском луны, казалось фантастическим, не похожим ни на одно сражение, в которых приходилось участвовать Трубникову. Французы дрались отчаянно. Казалось, в этом бою нет павших. Гуще и темнее стала вода, она скрывала в себе убитых и тяжело раненых.

Бой продолжался около часа. Противник, не выдержав штыковой атаки гренадер, отошёл на свой берег. Постепенно замерла и артиллерийская дуэль. Разгорячённые боем, промокшие, но весёлые солдаты располагались за теми же оградами виноградников, где находились они до появления французов. Трубников увидел Семибратова. Прислонив к ограде ружьё, тот заматывал чем-то белым себе голову.

— Ранен? — спросил Трубников.

— Пуля царапнула, ваше высокоблагородие,— отклик-

нулся капрал и при этом так весело сверкнул зубами, точно сообщил о чём-то таком, что непременно должно обрадовать командира.

— Итти можешь?

— Хоть сейчас в поход.

— Вот что, братец, иди немедленно к лекарю, покажи ему рану,— сказал Трубников, строгим и пристальным взглядом смотря на солдата.

— Царапина, она сама заживёт.

— Не возражать! — повысил голос Трубников. — Если царапина — лекарь отправит тебя обратно. Вернёшься — доложи мне! Иди!

Ночью, готовясь к сражению, Макдональд расположил свои войска так, что одновременно с наступлением по фронту французы могли охватить фланги Суворова, оттеснить его и поставить под удар Моро, прибытия которого к месту сражения Макдональд ожидал; это должно было принудить Суворова к капитуляции.

С рассветом Макдональд первым начал атаку. Французы — батальон за батальоном — переходили реку; в интервалах пехоты двигалась кавалерия. Оттеснив находившиеся на левом фланге союзников австрийские войска генерала Отта, французы заняли прибрежные высоты. Корпус Домбровского, переправившись через Треббию, начал обход Багратиона. Суворов приказал Багратиону принять вправо и опрокинуть Домбровского. Охватив фланги Домбровского конницей, Багратион встретил противника ударом в штыки. Тот не выдержал и с большими потерями откатился за Треббию.

В то время как войска Багратиона передвинулись вправо и, не допустив обхода своего фланга, отбросили противника, генерал Розенберг, командовавший правым флангом, в состав которого входили войска Багратиона и дивизия Швейковского, не выполнил полностью приказа Суворова о передвижении вправо всех своих войск. Между полками Багратиона и дивизией Швейковского образовался разрыв. Воспользо-

вавшись этим, французские корпуса Виктора и Руско атаковали Швейковского. С боем, отстанвая контратаками каждую пядь земли, полки Швейковского начали отступать. Французы напирали. На их стороне было огромное превосходство в силах. Один русский солдат сражался против трех французов.

Генерал Розенберг примчался к Суворову.

— Нет сил держаться, Александр Васильевич,— доложил он.— На Швейковского наступают Виктор и Руско. Один наш гренадерский полк окружён. Чтобы не потерять войско, прикажите отступить.

Суворов был без мундира и шляпы. Расстёгнутый ворот белой рубахи обнажал опалённую солнцем шею. Он недовольно поморщился, взглянул на растерянное лицо требовавшего ретирады¹ генерала и, не отвечая, показал на лежавший рядом огромный камень.

— Вы можете сдвинуть этот камень, генерал?

Розенберг вспыхнул.

— Не могу,— зная, что ответом своим вызовет гнев фельдмаршала, с трудом вымолвил он.

— Не можете. Так же невозможно и отступление,— решительно заявил Суворов.— Извольте держаться крепко, генерал, ни шагу назад!

Не успел Розенберг скрыться из виду, к Суворову подъехал Багратион. Продолжая хмуриться, Суворов шагнул навстречу:

— Говори, князь Пётр,— сказал он.

— Домбровский отступил,— начал своё сообщение Багратион.— Но убыль людей велика, из-за пороховой грязи не стреляют ружья...

— Нехорошо, князь Пётр, нехорошо,— перебил Суворов.— Гнать, гнать неприятеля!— и, повернувшись к ординарцу, крикнул:— Коня!

¹ Отступление.

Вскочил в седло и, как был, в рубахе и без шляпы, поскакал следом за Розенбергом.

Отступавшие с боем солдаты дивизии Швейковского с трудом сдерживали напор французов. Перед тем, как Суворов появился на месте боя, кто-то крикнул, что неприятель окружает. Отступление перешло в бегство. Французы преследовали отступавших по пятам. Прорвавшись в щель между полками Багратиона и Швейковского, французы создали серьёзную угрозу и флангу Багратиона. Появившись среди отступавших, Суворов замешался в гущу солдат, громко крича:

— Заманивай, братцы! Шибче! Заманивай! Бегом! Заманивай, соколы! Довольно! Сомкни ряды!

Увидев своего фельдмаршала, солдаты ободрились. Быстро смыкались ряды. А Суворов уже командовал:

— Барабанщики вперёд! В атаку, чудо-богатыри! Ура!

Только что отступавшие солдаты теперь с громким «ура» бросились на французов. Видная издали на коне фигура полководца, его голос, подняли дух воинов, воскресили уверенность в своей непобедимости. Удар был так силен, что торжествовавшие уже свою победу французы бросились в беспорядочное бегство. Суворов, не слезая с коня, носился в самом жарком месте битвы.

— Гони неприятеля! — кричал он. — Коли! Руби! Не давай опомниться! Ура!

Принудив корпуса Виктора и Руско к отступлению, Суворов помчался на фланг к Багратиону.

— Вперёд, соколы! — слышался его голос. — Француз бежит...

Командующий австрийскими войсками генерал Мелас не выполнил приказа Суворова, задержав в бездействии у себя резерв, не бросив его на подкрепление Швейковскому. В то время, когда русские войска уже отбили все атаки и противник отступал, Мелас собрал военный совет. Хотя главные силы французов были сосредоточены против правого фланга союзных войск, где сражались полки Багратиона и

Швейковского, а против левого фланга, где находились австрийские дивизии, Макдональд держал лишь небольшие силы, на военном совете у Меласа австрийские генералы постановили, что наступательные действия ввиду превосходящих сил неприятеля, предпринимать невозможно и что поэтому следует ограничиться только обороной. Узнав об этом, Суворов рассердился. «Ах, папаша Мелас, папаша Мелас,— несколько раз повторил он. — Ничего он не понял». Через минуту ординарец Суворова уже скакал с кратким, но строгим приказом к Меласу — «Вперёд!»

Потеряв в бою свыше шести тысяч человек, к вечеру французы в беспорядке отступили за Треббью по всему фронту.

Снова ночь, третья ночь на поле сражения при Треббии. Хотя в прошедших боях французы понесли большой урон, отступили с поля битвы, но они ещё не были разбиты, сохраняли свои позиции на другом берегу реки.

Как и в предыдущие ночи, с французского берега доносился нестройный шум голосов, горели костры; своим поведением французы как бы дразнили русских.

Ночью, в сопровождении Багратиона, Суворов объезжал войска. На утро он готовился к решающему сражению и, осматривая расположение войск, проверял их готовность.

— Долго равняются цезарцы, князь Пётр,— говорил он Багратиону, намекая на поведение австрийцев в только что прошедших боях.— Им страшно противнику смотреть в глаза, а Мелас осторожен, ой, как осторожен. Ему всегда кажется, что там, где находится он, там и самое трудное место в бою. Учили мы их искусству побиения неприятеля, а не вижу, впрок ли им та наука. Я твержу, что русские войска не знают ретирад, а цезарцы в момент решительной атаки стоят на месте, бездействуют. Трудно, князь Пётр! Я здесь, а венский гофкригсрат¹ во главе с бароном Тугу-

¹ Высший военный совет в Австрии.

том за тысячу вёрст... Эти умники горят желанием руководить армией помимо меня, главнокомандующего... Шлюют свои приказы Меласу. Я знаю силы французов, разгадываю их манёвр, хочу стянуть в один кулак больше сил, разбить Макдональда и Моро, а гофкригсрат глух и слеп. Я приказываю корпусу Края спешить на соединение с главными силами, а Край ответил, что австрийские генералы выполняют приказы главнокомандующего только с одобрения гофкригсрата. Позор, князь Пётр! Били французы цезарцев и ещё побьют, а венские умники мнят себя превыше Юлия Цезаря.

— А мы били французов,— усмехаясь, заметил Багратион.— В один поход очистили от французов Италию, покрыли славой российское оружие.

— Слава,— повторил Суворов.— Горько быть там, князь Пётр, где умаляется, хотя бы и союзниками, слава российская. На берегах этой реки,— Суворов показал на блестящую в лунном свете Треббью,— карфагенский полководец Аннибал, за две тысячи лет до нас, разбил легионы римлян. Вчера я спросил у Отта — а он умнее других австрийцев,— почему Аннибал, разбив римлян на Треббии, не пошёл прямо к Риму? Отт мне ответил: «Вероятно, потому, что в Карфагене тоже был гофкригсрат». Он прав, прав... Гофкригсрат страшится теперь не французов, а нас, русских. Он мешает и будет мешать нам выйти на Ривьеру, идти на Париж...

Суворов и Багратион спускались к берегу реки, там, где недавно ещё гремел горячий бой. Впереди, на тропинке около изгороди, показался патруль.

— Чей полк? — спросил Суворов, остановив коня.

— Полковника Трубникова.

— Позови, братец, своего полковника. Суворов, мол, требует,— сказал фельдмаршал солдату.

— Полковник ранен, Александр Василич.

— Жаль, очень жаль. Куда ранен?

— Саблей в лицо.

— Жаль,— ещё раз повторил Суворов. — Не сберегли орла. Неказист с виду сей полковник, а богатырь...

В ту же ночь, как только скрылась луна, Семибратов и ещё двое охотников¹, перешли Треббю. Французы не заметили их. Выйдя на чужой берег, охотники скрылись в заросшем кустарниками овражке. Они шли с целью высмотреть расположение неприятеля и до свету вернуться обратно. На семь часов утра Суворов назначил атаку.

Охотники прошли вверх по овражку. Они находились теперь в расположении французов; но вокруг стояла необычная тишина. Шум, доносившийся с вечера со стороны французского лагеря, теперь утих, ни пикета нигде, ни часового. Это встревожило солдат.

— Ждите здесь, братцы,— сказал Семибратов, шедший за старшего. В темноте смутно белела повязка на его голове. — Я проберусь к тем кострам, погляжу, кто там?

Он осторожно направился вдоль ограды. Выбравшись на открытое место, он ясно увидел, что людей около костров нет. Семибратов подошёл ближе. Нет французов. Семибратов бегом, почти не скрываясь; вернулся в овраг.

— У костров-то пусто, ребята,— тревожно, точно желая подчеркнуть этим, что случилось что-то непоправимое, сообщил он.

— Как?! А француз?

— Костришки догорают, а у огня — никого.

Охотники поднялись на другой берег овражка, побывали в виноградниках, у ограды какого-то сада,— французов нигде не было.

— Ушёл он,— высказал вслух то, о чём думали все охотники, Семибратов. Он приставил «к ноге» ружьё и вытер вспотевший лоб. — Как же нам быть, ребята?

— Может, обман? Зажёг он костры, а сам где-нибудь в сторонке, скрытно...

¹ Разведчики.

— Армия у него, не спрячешь армию-то.

Охотники прошли берегом, поднимались наверх, были у самых костров — французов нет, лишь всюду виднелись многочисленные следы их недавнего пребывания.

— Ушёл,— теперь уже с полной уверенностью, что это так, заявил Семибратов. — Не ждал утра. Он и костры для того запалил, чтобы мы не беспокоились, не гнали его. Надо скорее доложить командиру...

Майор Тревогин, заменивший раненого Трубникова, не сразу понял то, о чём докладывали ему вернувшиеся с неприятельского берега охотники.

— Как нет француза?! — переспросил он. — Сквозь землю что ли он провалился?

— Неизвестно о том, ваше благородие, а только — нет. После него сраму полно осталось.

Трудно было поверить в то, что вчера ещё ожесточённо сражавшийся противник в ночь покинул свои позиции и бежал. Тревогин пристально взглянул в лицо Семибратова; тот, не моргнув, выдержал испытующий взгляд.

— Эх ты, а ещё костромич,— точно Семибратов был виноват в том, что французы ушли, с упрёком сказал Тревогин. — Он, может, с вечера снялся, а ты... Не заметил.

— Прикажете, ваше высокоблагородие... Мы пойдём за ним... Догоним,— попросил Семибратов.

— Нет, братец, теперь не тебе догонять... Гнать его надо.

От реки показался казачий патруль. Казаки только что перебрались с французского берега. Тревогин остановил их:

— Француза видели, казачки?

— Никак нет, ваше благородие,— ответил ехавший впереди, тряхнув нависшим над бровью чубом. — Ушёл француз.

— Давно? Не заметили?

— Никак с вечера. Костры, что оставил он, догорают.

Вечером, когда затих бой и разбитые по всему фронту французы отступили за Треббию, к Суворову прискакал офицер с посланием генерала Края, командира австрийского корпуса, стоявшего под Мантуей. Край, в ответ на приказ Суворова немедленно выступить на соединение с главными силами, послал копию распоряжения гофкригсрата. Это распоряжение запрещало отводить войска от Мантуи.

— Гофкригсрат в Вене, а я на Треббии,— воскликнул с возмущением Суворов, ознакомься с посланием Края.— Мы бьем неприятеля, а венские умники за тысячу верст хотят командовать войском. Нехорошо, помилуй бог! Что еще приказал сказать генерал? — Суворов поднял глаза на растерянного и смущённого офицера.

— Ничего, ваше сиятельство,— пробормотал тот.— Но я имею передать письмо, присланное вам через Вену...

— Кто пишет?

— Господин адмирал фон Ушакофф.

— Как?! — гневно вскричал Суворов, принимая письмо.— Возьми себе своё «фон», господин офицер! Русского адмирала, победы которого потрясли Европу, изволь называть по-русски, не «фон», а Федор Федорович Ушаков!..

...В крестьянской хижине, где расположился штаб Суворова, ночью, по приказу фельдмаршала, собрались генералы. Свеча в железном подсвечнике тускло освещала стены и низкий потолок комнаты. Среди пришедших видно бритое, словно припухшее лицо Розенберга; слегка морщится, превозмогая боль, раненный во вчерашнем бою Багратион; облокотясь на стол, сидит старчески-обрюзгший, точно равнодушный ко всему, Мелас... Поодаль — сухой, с насупленными бровями Отт, наиболее способный и отличаемый Суворовым среди австрийских военачальников; генералы Швейковский и

Горчаков, похожие на юношей, которые впервые надели генеральский мундир, Николай Каменский и Аркадий Суворов.

Начинался рассвет, и на востоке, за синеющими отрогами гор, алела заря, когда появился Суворов.

— Поздравляю с победой, господа! — громко произнёс он. — Войска дрались храбро, но австрийские резервы, — Суворов взглянул на Меласа, — бездействовали, и через то мы имели ущерб. Генерал Край пишет мне нынче, что он не идет к Треббии. Нехорошо! Войска у Макдональда больше, чем у меня, а мы отбросили и разбили его. Теперь нам предстоит оказать свою храбрость — добить неприятеля...

— Известно, ваше сиятельство, вы — генерал Вперёд, — с плохо скрываемой скептической усмешкой заметил Мелас, будто сомневаясь в успехе.

— О нет, папаша Мелас, нет! — живо перебил Суворов. — «Вперёд» — мое любимое правило, но я и назад оглядываюсь. В семь часов мы атакуем. Прошу в сражении не опаздывать...

Не успел никто ответить, в комнату шумно вбежал Милорадович.

— Французы отступили, Александр Васильевич, — запыхавшись, с трудом выговаривая слова, доложил он. — Наши патрули были за Треббией, там — ни одного неприятельского солдата. Французы ночью запалили костры, чтобы обмануть нас, и бежали...

— Бежали! — вскочив, громко воскликнул Суворов. — Макдональд спешит спасти свою армию, а мы его не упустим. Ночь коротка, он с обозами недалеко... Казаки и драгуны — на коней, — приказал Суворов. — Пехоте немедленно переправляться через Треббию! Вперёд! Гнать, преследовать неприятеля!..

Полки бегом, вброд переходили реку, когда ветер донёс звуки отдалённой стрельбы. Это казаки и драгуны догнали французские арьергарды и атаковали их.

В битве на Треббии и при отступлении армия Макдональда потеряла убитыми и пленными четырёх генералов, больше пятисот офицеров и восемнадцать тысяч солдат. Разбитые остатки ее бежали в Тоскану.

Впервые после похода и трёхдневного сражения солдаты составляли ружья в козлы и располагались на отдых. Задымались кухонные котлы. Над рекой, над притихшими холмами поднялась и полетела вдаль русская солдатская песня:

То не бела заря занималась,
То не красное солнышко просыпалось,—
Выходила — выступала сила войская,
Сила войская, сила русская...

ЧОРТОВ МОСТ

Авангард русских войск занял местечко Айроло. К тому времени, когда к Айроло начали подтягиваться главные силы армии, неприятель был отогнан уже далеко. Солдаты располагались на отдых.

Дождь, ливший весь день, временами сменялся мокрым, тяжёлым снегом. Покрытая выбоинами, похожая на полуразрушенную горную тропу, проложенная ещё во времена владычества римлян, дорога, по которой двигалась армия, извивалась меж казавшихся мёртвыми скалистых вершин. Проводники-швейцарцы покачивали головами, с удивлением тарасили глаза на русских солдат, с шутками и смехом подтаскивавших на себе пушки.

— Рус — храбрый зольдат, — говорили проводники. — А наши горы — о! Не пройти наши горы.

— Пройдём, — откликнулись солдаты.

— Снег на перевалах, вьсоко... Орёл не пролетит.

— Где вашему орлу не пролететь, русский солдат и там пройдёт.

Войско приближалось к перевалу Сен-Готард. Солдаты, несмотря на холод, не имели тёплого обмундирования. На биваках они согревались около костров; ложась спать, теснее жались друг к другу. Старики, сделавшие не один поход, и те с тревогой посматривали на сжимавшие дорогу серые скалы, на обнажавшиеся среди них глубокие пропасти. Войско стремилось, перевалив через горы, выйти в долину

Рейна и соединиться с действовавшим там русским корпусом Римского-Корсакова.

Перед вечером в Айроло прибыл Суворов.

Он был верхом на казачьей лошади. Промокший от дождя и таявшего снега знакомый всем синий плащ не защищал его от холода. Но Суворов выглядел бодро. На походе он шутил с солдатами, подбадривал их.

В Айроло Суворов остановился в одноэтажном домике, прилепившемся к голой скале. Едва он успел войти в приготовленную ему комнату и сбросить промокший плащ, как явился Прохор, денщик Суворова, почти одноклассник с ним, неизменный спутник фельдмаршала во всех походах.

— Прощка, воду давай, мыться буду!

Прохор принёс воду, помог Суворову раздеться.

— Лей!

Под струёй холодной воды Суворов хлопал себя по бёдрам, растирал плечи, грудь.

— Уф, знатно! — восклицал он. — Довольно! Сидя в Кончанском, не думали мы с тобой, Прощка, что придётся купаться в альпийской воде.

Не успел Суворов одеться, — в дверях показался дежурный адъютант.

— Генерал Багратион, — вытянувшись, доложил он.

— А, князь Пётр, — воскликнул Суворов. — Зови скорей, зови!

Вошёл Багратион. Он был в чёрном мундире, но, как и Суворов, без парика и буклей. Умное, выразительное лицо его, с тёмными пронизательными глазами и орлиным носом, выглядело суровым и строгим. Суворов шагнул навстречу генералу, пожал руку.

— Спасибо, князь Пётр, знатную позицию выиграл.

— Противник отступил к перевалу Сен-Готард, Александр Васильевич, — сообщил Багратион.

— Помилуй бог, высоко забирается, а мы не отстанем, побьём. У нас войска вдвое больше, князь Пётр, ибо русский солдат один за десятерых французов. Адда, Треббия,

Нови... Знатные сражения, а мы их выиграли. Макдональд и Моро кланялись нам, поклонится и Массена. А где Розенберг? Он выступил из Биаско в обход Сен-Готарда... Французы вверху, мы внизу... От Розенберга нет известий...

— Прикажите, я пройду в горах и ударю с тыла...

— Не услышим о Розенберге — иди, князь Пётр. Сражение начнём послезавтра.

Суворов помолчал и, как будто вспомнив о том, что особенно его волновало, вскочил и начал шагать по комнате.

— В Вене барон Тугут, — промолвил он. — Канцлер... Подъячий, потерявший Нидерланды, Швейцарию и Италию, но искусен, зело искусен. Он требовал, чтобы мы отдали цезарям половину пушек, взятых нами в Италии у неприятеля, я велел отдать всё. Мы ещё возьмём, а им где взять? По милости Тугута мы, князь Пётр, не стоим нынче на квартирах в Италии, не прошли в Савойю, а идём в Альпах. Дождь, слякоть, стужа, а мы без зимней одежды, без провианта; казачьи лошади у нас вместо вьючных мулов. Тугут обещал, что мулов, продовольствие и тёплую одежду найдём в Лугано... Обманул. Ждали — всё будет в Таверно... Вновь обманул. А нам ждать некогда-с. Сова в Вене, а Суворов с войском в Альпах...

Суворов остановился у окна и некоторое время всматривался в мутную мглу, скрывавшую окрестные горы. Высказав своё недовольство союзниками, он, впервые за всё время похода, упомянул о трудах и опасностях нового театра войны. У Суворова было семнадцать тысяч солдат, которым противостояла стотысячная армия генерала Массены. Французы заняли все горные перевалы, стремясь окружить Суворова, зажать русскую армию в железные тиски и уничтожить. В гибели русских не сомневались ни Массена, предвкушавший лёгкую победу над не знавшим поражения Суворовым, ни австрийцы, по милости которых русская армия оказалась в Альпах, предоставленная самой себе.

— Что скажешь, князь Пётр? — Суворов обернулся к Багратиону.

— Патрули задержали австрийского офицера, Александр Васильевич, — как бы отвечая на вопрос Суворова, промолвил Багратион. — Этот офицер пытался перебежать к французам.

— Кто он?

— Майор Тур, из прикомандированных к нашему штабу. У него обнаружена переписка с французами, сведения о численности наших войск, вооружении их, маршруте следования и времени, когда мы предполагаем быть в тех или иных пунктах. Вот его бумаги.

Багратион передал Суворову пакет с бумагами австрийца. Суворов некоторое время молча просматривал бумаги, потом отложил их и спросил:

— Что говорит сей майор?

— Ссылается на случайность, на свои болезни, на трудность будто бы безнадежного похода... Из страха-де перед походом он решил отдаться в плен.

— Унтеркунфт¹ и шпион. Как с ним поступить, князь Пётр?

— Так, как он заслужил. Расстрелять.

— Совы будут недовольны, плакать будут... Вели привести его ко мне, посмотрю-с.

Багратион передал адъютанту распоряжение Суворова.

— Батальон цезарцев, что при нашей армии, оставь в Айроло, князь Пётр, — распорядился Суворов, сделав молча несколько кругов по комнате и остановившись перед Багратионом. — Цезарцы не помощь. Мы идём вперёд, они в хвосте, славу наших викторий приобретают. Нам, князь Пётр, пора о себе думать, не дать Массене нас запугать, а проливать кровь во славу Тугута и римского цезаря не время-с.

¹ Суворов употреблял это слово по отношению к австрийским офицерам, боявшимся трудностей походной жизни.

Задержанный патрулями, офицер австрийского генерального штаба майор Тур вошёл бледный, в измятом мундире, без шпаги. Суворов, прихрамывая на раненую ногу, продолжал ходить по комнате, как бы не замечая вошедшего. Прошло порядочно времени. Наконец, остановившись перед австрийцем, Суворов резко спросил:

— Как вы решились на предательство, господин майор?

— Я не предатель, ваше сиятельство, — заикаясь и ещё больше бледнея, сказал австриец. — Я болен. Я не могу вынести похода в горах...

— Ноги испугались промочить? Этому учили вас в венском штабе? Прекрасно-с. А реляции, — Суворов показал на бумаги, лежавшие на столе, — что были при вас, на что-с? Сколько раз вы предали нашу армию?

— О нет, ваше сиятельство! — воскликнул майор. — Это случайность. Я забыл о них... Я не имел намерения передавать их французам, поверьте, ваше сиятельство! Я офицер австрийской армии, прошу откомандировать меня...

— Откомандировать... Превосходно, помилуй бог, — Суворов снова взглянул на офицера и повысил голос. — Но я солдат, господин майор, что-с превыше всего свой долг перед отечеством моим и перед армией, коей командую. К учтивости не приучен-с. За измену и предательство я должен вас повесить, и лишь ради чести союзной армии не повешу...

— Ваше сиятельство! — дрожа всем телом, воскликнул австриец.

— Да-с, не повешу. Но я не виноват, не виноват... Князь Пётр, — Суворов повернулся к Багратиону. — Расстрелять сего предателя двенадцатью ружьями!

Русские войска приближались к Сен-Готарду. Снежные пики вершин, громоздясь по сторонам пути, кутались в сизый туман, казались лёгкими; они словно плыли куда-то,

теснясь и обгоняя друг друга. В седловинах и горных ущельях белели застывшие клочья облаков.

Шедший в авангарде отряд генерала Милорадовича вёл почти непрерывные бои с передовыми частями противника. Исход стычек решали короткие штыковые удары grenадер. Французы отступали.

С приближением к перевалу стычки становились упорнее. Французы были уверены в том, что им удастся остановить Суворова на Сен-Готарде и, если не разгромить его, то во всяком случае вынудить к отступлению.

Расположенные на высотах, позиции французов казались неприступными. Это давало генералу Лекурбу, командовавшему французскими войсками на Сен-Готарде, огромные преимущества перед Суворовым. Кроме того, Лекурб имел хорошие тылы, снаряжение французов было приспособлено к действиям в горах: французские солдаты не несли тяжёлой поклажи, снабжённые шипами подошвы их башмаков обеспечивали быстроту и удобство движения. Генерал Лекурб обладал опытом горной войны; он был известен своей стойкостью, хладнокровием, способностью к неожиданным и быстрым манёврам. Суворов высоко ценил эти качества в своём противнике. Предвидя трудность сражения за овладение перевалом Сен-Готард, Суворов, будучи ещё в Биаско, направил часть своих войск под командой генерала Розенберга обходной дорогой на Сан-Марию. Он рассчитывал на то, что к тому времени, когда главные силы армии достигнут перевала, Розенберг выйдет в тыл Лекурбу и под ударом русских войск по фронту и тылу, Лекурб вынужден будет отступить. Но от Розенберга у Суворова не было известий. Поэтому, выступая из Айроло, Суворов направил в обход Сен-Готарда отряд Багратиона.

Чтобы не дать французам выиграть время, укрепиться на своих позициях и подготовиться к сражению, Суворов, приблизившись к Сен-Готарду, решил немедленно атаковать их.

Атаку начали войска Милорадовича. Отбросив передовые

части противника, Милорадович продвинулся к высотам Монте-Проза, но тут он встретил такое отчаянное сопротивление, что не смог выйти к седловине перевала. Дорога и склоны высот, где наступали русские войска, во всех направлениях простреливались ружейным огнём, установленные на высотах французские батареи били картечью. Милорадович отступил.

Прискакав к Суворову, он доложил о невозможности продвижения вперёд и что войска его отошли на старые позиции. Не терпевший слова «отступление», на этот раз Суворов не рассердился. Лицо его было серьёзно. Он молча выслушал генерала и сказал:

— Французы стреляют картечью, дорогу закрыли, а нам ждать некогда-с! Надо пройти, — повысил он голос. — В тылу у Лекурба Багратион. Тебя, — Суворов подошёл ближе к Милорадовичу, — помню я вот таким, — он показал рукой на аршин от земли, — с деревянной сабелькой. А нынче ты — воин, в великом сражении участвуешь. Забери французские батареи и сбрось пушки... Атакуй!

Милорадович возобновил атаку. Войска снова продвинулись к высотам Монте-Проза, и снова огонь французов вынудил их остановиться, отойти на прежние позиции.

В то время, когда войска уже отошли, рота гренадерского полка, выделенная Милорадовичем для прикрытия своего правого фланга, начала атаку высоты, на которой стояла французская батарея. Ординарец, посланный к гренадерам с приказом отойти, не поспел во-время. Дым, окутывавший высоту, скрывал сражавшихся. После ожесточённой рукопашной схватки гренадеры отбросили французов и заняли батарею.

Отступив, французы, однако, скоро оправались. Лекурб пришёл в неистовство, когда узнал о потере высоты, господствовавшей над дорогой. Он приказал немедленно контратаковать русских. Французы окружили высоту. Гренадеры успели испортить пушки; у них мало было ружейных зарядов. Построившись в каре, они почти не отвечали на частый,

но беспорядочный огонь противника. Но когда французы показывались вблизи, гренадеры бросались в штыки и отбрасывали наступавших.

Силы гренадер таяли. Атаки французов следовали одна за другой непрерывно. В одной из схваток погиб командир роты капитан Муромцев, команду принял молодой офицер Кожин. Но и теперь гренадеры не сдавались. В бою никто не замечал времени, никто из защитников высоты не знал и о том, что французы остановили наступление русских. После одной из атак, когда французы лезли особенно ожесточённо, гренадеры отбросили их с таким уроном, что новой атаки не последовало. В наступившей неожиданно тишине Кожин осмотрелся. Ему показалось, что надвигается вечер. Остаться в ночь на высоте, окружённой врагами, было страшно — это грозило гибелью. Кожин не знал: отстаивать ему занятую высоту или, спустившись с неё, пробиваться к своим. Кожину впервые приходилось самостоятельно решать трудную задачу. Неподалёку от него, около французской пушки, собралась группа солдат. Одни из них расположились прямо на земле, другие на разбросанных камнях. Капрал с седыми усами и завязанной тряпицей рукой сидел на лафете пушки и грыз сухарь. До слуха Кожина долетел негромкий разговор:

— Чего сидим тут, — сказал солдат с обветренным, обросшим рыжеватой щетиной лицом, в пробитом кивере. — Спуститься бы нам с горы, да ударить на француза. Пробьёмся.

— Хорошо бы, да нельзя, — раздался другой голос. — Здесь мы командуем над французом, а внизу... Получишь из-за камня французскую пулю.

— Пуля всех не достанет, а штыка француз боится, — сказал первый.

— А по мне сквозь строй легче пройти, чем отступать, — пристал ещё один голос. — Наше дело солдатское. Занял позицию и держи её. Вот капрала спросим, как он скажет.

— А то скажу: отступать, ребята, нельзя, — перестав

жевать, вступил в разговор капрал. — Внизу-то француз перебьёт нас, как мух, ляжем и пользы от нас никакой. Здесь мы у француза на спине. Скоро Александр Василич начнёт атаку, тут мы и ударим француза... И батарея его молчит.

Кожин был согласен с капралом. Нельзя отдавать французам занятой высоты. «Шаг назад — смерть», — вспомнил он слова Суворова. А если атаки не будет, если придётся пробыть на высоте всю ночь? «Что же, и ночью здесь лучше, чем внизу», — думал Кожин. И как только он подумал об этом, ночь перестала казаться ему страшной. «Отобьёмся», — решил он. И как будто от того, что это подумал, он обрёл уверенность и спокойствие. Страх исчез. Кожин почувствовал голод и вспомнил, что с утра ничего не ел. Он подошёл к солдатам и просто сказал:

— Дайте сухарь, братцы. Горяча была французская каша, да не сытна.

— На холодной воде варсна, ваше благородие, — усмехнувшись, сказал капрал, протягивая Кожину сухарь. — Русская еда здоровее.

— Да и штык русский крепче, — засмеялся солдат в пробитом кивере.

— Француз на пулю надеется, а русский на штык... И не любит он, братцы, нашего штыка.

Со смехом и шутками солдаты вспоминали эпизоды недавнего боя. Разговор этот рассеял все опасения Кожина. Привалившись к пушке, он жевал сухарь и думал о том, что не отступит с высоты, будет защищать её так, словно ему дороже и ближе этого клочка земли нет другого места на свете.

...Отбив вторую атаку русских, французы торжествовали. Суворову теперь предстояло: или расположиться на ночь на неудобной, открытой позиции, под угрозой внезапной атаки неприятеля, или до наступления темноты, в третий раз, атаковать французов. Он решился атаковать. Но прежде чем отдать об этом приказ, он тщательно взвесил все воз-

возможности своих войск в предстоявшем сражении. Ободренные удачей предыдущих боёв, французы, конечно, не ослабят, а ещё больше усилят своё сопротивление; они используют всё, чтобы, отбив атаку, оставить Суворова на ночь без прикрытия и самим атаковать его.

От ординарца, вернувшегося с высоты, где сражались гренадеры, Милорадович узнал о том, что рота Муромцева не отступила, что она захватила неприятельскую батарею и отбивает контратаки окруживших её французов. Милорадович сообщил об этом Суворову.

— Держатся... И пушки французские захватили; убавили у французов картечи,— воскликнул Суворов, выслушав Милорадовича. И словно весть об успехе гренадер подсказала правильное решение, Суворов добавил: — Прогоним французов, ночью станем биваками на Сен-Готарде.

На этот раз Суворов начал атаку на широком фронте. Он так расположил свои войска, что у французов складывалось впечатление, будто Суворов охватывает их фланги. Выделенные в полках цепи стрелков прикрывали атакующих огнём. Противник держался крепко. Пользуясь выгодами своих позиций, он отбивал атаки. Успех боя, снова стал колебаться в сторону французов. Милорадович, прискакав к Суворову, доложил, что продвигаться дальше невозможно. Суворов, не дав ему договорить, сказал так решительно, словно исход боя был уже решён:

— Русский солдат не умеет ходить назад, генерал. Равняться по передним! У Лекурба последние резервы в бою. Вперёд!

От высоты, на которой отбивалась рота Кожина, французы отступили. Теперь Кожин оказался в числе войск, наступавших на седловину перевала. И в тот момент, когда гренадеры начали новую атаку, откуда-то издалека, из-за гор донеслось «ура». Подхваченное эхом, оно звучало глухо и неслаженно, но его поддержали наступавшие полки. У французов началось замешательство.

— Генерал Багратион атакует французов с тыла! — крикнул Милорадович. — Вперёд!

Солдаты, ободрённые тем, что в тылу у французов русские войска, с такой сокрушающей яростью бросились вперёд, что французы, вынужденные сражаться на два фронта, не выдержали напора и начали отступать. Милорадович ворвался на седловину перевала. Генерал Лекурб, перед опасностью полного разгрома своих войск, приказал бросить в пропасть тяжёлые пушки и отступил в горы.

Русские войска заняли Сен-Готард.

Ночью холодный ветер, дувший с севера, понёс хлопья снега. На высоте двух тысяч ста метров, где находилась русская армия, разыгралась метель. Расположившиеся на отдых солдаты жестоко страдали от холода, но поблизости нельзя было раздобыть топлива даже на то, чтобы вскипятить воду.

— Застынем, братцы, — сказал кто-то из сбившихся в кучу и старавшихся как-нибудь согреться солдат. — Выше облаков зашли. На дворе сентябрь, а тут метель, как перед рождеством.

— На то и горы, — откликнулись рядом. — Было так-то — на Кавказ мы походом ходили... Лето, жара, а на вершинах снег.

— Костерок бы зажечь...

— Не до костра, дровинки нет около, — сказал первый.

— А ты молчи, — остановил его тот, что вспомнил о Кавказе. Кивер его был так низко надвинут на лоб, что казалось, прямо из-под него торчит жёсткая щетина усёв. — Солдату ни холода, ни смерти страшиться не положено, — добавил он.

— Сколько ещё впереди гор-то... Не одолеем.

— Русский солдат всё одолеет, — строго и нравуучительно сказал седоусый в низко надвинутом кивере. — Ложись теснее, ребята, теплей будет.

С вечера Суворов находился в хижине монаха, приютившейся около каменной часовни на вершине Сен-Готарда. Он не спал. Без обычных причуд и шуток, серьёзно и сосредото-

точно выслушал он сообщения начальников отрядов; вспомнив о роте гренадер, захватившей французскую батарею, Суворов велел позвать к себе командира.

Появился Кожин. Когда Милорадович подвёл его к Суворову, тот быстро шагнул вперёд и обнял молодого офицера.

— Молодец! Орёл! — сказал он. — Передай спасибо твоим чудо-богатырям!

Отстранив его от себя, Суворов пристальнее всмотрелся в лицо офицера.

— Не узнал я тебя, сударь,— изменив тон, усмехнулся Суворов. — Помилуй бог, не узнал. На Дубихе ты сказал мне, что Суворов побьёт ястребка... И побил... Знатные виктории имели мы над французами. Батюшке твоему напишу... Спасибо скажу за тебя. Рад будет Иваныч услышать...

...Суворов так был доволен одержанной победой, что, заняв Сен-Готард, тут же отправил письмо с сообщением об этом Римскому-Корсакову. Псылая письмо, он не знал тогда о безнадежном положении коопуса Римского-Корсакова, атакованного крупными силами Массены. Остаток ночи Суворов провёл под открытым небом. Завернувшись в бурку, он лёг на снег. Двое солдат — тот, что давеча жаловался на холод, и седоусый в низко надвинутом кивере, подошли к фельдмаршалу, улеглись рядом. Суворов что-то недовольно проворчал, но старый солдат так решительно бросил своему товарищу «лежи», что Суворов умолк и «проснулся» только с рассветом.

Отряд генерала Розенберга, выступив из Биаско одновременно с Суворовым, не встретившись с неприятелем, достиг Сан-Марины. Но отсюда путь к Сен-Готардскому перевалу, отстоявшему по прямой километрах в тридцати, преградили горы. Проводники убеждали Розенберга, что пройти с войском в горах, где нет дорог, невозможно. Розенберг направился на Диссинтис, с тем, чтобы оттуда кружным путём повернуть к Сен-Готарду.

Вечером, в день сражения на Сен-Готарде, отряд Розенберга находился неподалёку от деревни Урзерн, около дороги с Сен-Готарда к переправе через Рейсу — бурную и капризную горную реку. Здесь Розенберг узнал о сражении, о том, что Лекурб отступил, русская армия заняла перевал.

Было уже поздно. Чтобы дать отдых утомлённым после длительного перехода войскам, Розенберг не занял Урзерн, а остановился на ночь в горах.

Между тем Лекурб, отступив с Сен-Готарда, совершил невероятно трудный ночной марш. Перевалив через скалистый хребет, французы прошли мимо Урзерна и заняли высоты на переправе через Рейсу. Розенберг, который мог преградить им путь к Рейсе, всю ночь находился в бездействии и даже не знал о движении войск противника.

От деревни Урзерн дорога к Рейсе проходит по ущелью Урнер-лох, а на выходе к реке путь преграждают огромные скалы, отвесные стены которых совершенно недоступны со стороны ущелья. Пробитый в них узкий туннель — «Урзернская дыра», как его называли, — выводил к древнему каменному, арочному мосту, перекинутому через Рейсу. Сжатая скалами, река бушевала глубоко внизу, на дне пропасти. Ущелье Урнер-лох, туннель, настолько узкий, что в нём с трудом могли протиснуться в ряд четыре человека, поток, ревуший в глубине, — всё это оправдывало название мосту — «Чортов». Позиции, занятые французами здесь, были так неприступны, что Лекурб вправе был ожидать, что он перехитрил Суворова, отступив от Сен-Готарда, что русские войска, занявшие Сен-Готард, будут остановлены в пятнадцати километрах оттуда, у Чортова моста.

Утром, вступив в Урзерн, Розенберг узнал о ночном марше французов.

— Французы у Чортова моста, — рассказывали жители. — Они на высотах вдоль ущелья, где идёт дорога, и у Урзернской дыры.

— А где ещё можно переправиться через Рейсу? — спро-

сил Розенберг, поняв, какую ошибку совершил он, не заняв вечером деревню и безнаказанно пропустив французов.

— Нигде не пройти. Дорога одна — через Чортов мост. Налегке можно пробраться в горах, но и то опасно.

Розенберг негодовал и сердился на свою оплошность, но исправить уже ничего не мог. У него оставалась ещё небольшая надежда на то, что Лекурб, потерпев поражение на Сен-Готарде, не задержится у Чортова моста, что там оставлен лишь небольшой заслон, а главные силы французов отошли дальше.

Розенберг пошёл следом за французами. Но едва его отряд показался вблизи Урнер-лоха, французы открыли огонь. Сжатое скалами, ущелье напоминало страшную ловушку. Находясь на недоступных высотах, французы могли безнаказанно поражать наступавших. Розенберг понял безнадежность попытки силами своего отряда атаковать высоты у Чортова моста и отступил.

К утру метель утихла. Небо очистилось от туч. Выпавший за ночь и начавший уже таять снег ослепительно блестел в лучах солнца. Утром солдаты раздобыли топливо и, греясь у огня, повеселели.

Суворов не выступил с перевала, когда получил донесение Розенберга. Розенберг сообщал, где находится его отряд, а также о том, что отступившие с Сен-Готарда французы заняли высоты на переправе через Рейсу, у Чортова моста. Офицер, привёзший донесение, рассказал о причине, почему Розенберг не смог помешать французам выйти к Рейсе.

— Опоздал, под носом у себя дал проскочить Лекурбу, помилуй бог! — с досадой воскликнул Суворов. Преимущества позиций на Рейсе были настолько очевидными, что ошибка Розенберга и встревожила и возмутила полководца. — Будь у Лекурба два батальона и пушка — он у Чортова моста уничтожит армию, — говорил Суворов.

Хотя и казалось, что разбить Лекурба на его неприступ-

ных позициях невозможно, Суворов не отказался от мысли прорваться через Чортов мост и отбросить французов. Он противопоставил замыслам Лекурба — задержать русскую армию — свой план наступления. Занимая господствующие и не доступные для атаки с фронта позиции, французы считали себя неуязвимыми. Не отказываясь от атаки по фронту, Суворов наметил план обходных движений в тыл врага. После того как он получил известие от Розенберга, Суворов долго беседовал с Багратионом. Как и перед сражением за Сен-Готард, Багратион настаивал на том, чтобы обходный манёвр был поручен ему.

— Ты будешь при армии, князь Пётр,— сказал Суворов. — Войск у Лекурба мало, а сидит он высоко. Чем меньше людей в обходной колонне, тем они незаметнее. Когда русские чудо-богатыри появятся в тылу у француза, каждый солдат покажется французу за десятерых. Кто из офицеров выполнит сие предприятие, князь Пётр?

— Полковник Трубников,— подумав, ответил Багратион. — Умён и храбр...

— Знаю-с,— перебил Суворов. — Пошли за ним!

Когда Трубников явился, Суворов отвёл его в сторону и негромко спросил:

— Видишь эти горы, полковник? — он показал вокруг. — Высоки. Ни прусеакам, ни цезарцам не перешагнуть через них...

— Не перешагнуть, Александр Васильевич,— убеждённо заявил Трубников. Свежий рубец — след недавней раны — резко выступил на его загоревшемся от волнения лице. — А мы — русские,— добавил он.

— Трудно, зело трудно будет, помилуй бог, но русский солдат — чудо-богатырь. Где олень проскочит, там и русский солдат пройдёт, а где оленю не пройти — и там русский солдат пройдёт. Пора знать об этом «умникам», «немогузнайкам». Нынче нам предстоит овладеть позицией неприступной...

— Мой полк готов к выступлению, Александр Васильевич, — поняв, что нужно Суворову, сказал Трубников.

— Пройдёшь ты этими горами к Рейсе, в тыл неприятелю. Там, две роты разыщут брод, переправятся через Рейсу и обойдут неприятеля, засевшего по ту сторону моста; с остальным войском на высотах Урнер-лоха атакуешь французов, сбросишь их вниз. Пушки у Лекурба... Забери их! Пройдёшь так?

— Пройду, Александр Васильевич.

— Выступишь немедленно. Поклажи солдатам не брать, oprичь сухарей. Иди так, чтобы француз тебя не заметил. Атакуй внезапно, штыком... Поспеешь во-время — великая нам польза будет от того!

Время было близко к полудню, когда отряд Милорадовича подошёл к ущелью Урнер-лох. На походе, на всём пути от Сен-Готарда, не прозвучало ни одного выстрела. Казалось, после вчерашнего сражения французы скрылись далеко в горах и не тревожат больше русскую армию. После дождей и слякоти освещённые солнцем горы выглядели сегодня приветливее. Солдаты шли весело.

— Снег-то, братцы, горит! — слышится восклицание. — Под самое небо гора...

— Сказано тебе — Альпы, — замечает другой голос.

— Скучная тут жизнь, простору нет, — сказал тот, что любовался на снег.

— Ещё бы! Это, брат, не Россия.

— В России — раздолье... Поля у нас, леса — глазом не окинешь.

Дав отдохнуть войску, Суворов приказал Милорадовичу атаковать Урнер-лох и выйти к мосту.

Едва солдаты очутились в теснине, как горы вдруг потеряли прежнюю привлекательность и очарование. Внизу, где шла дорога, было сыро и сумрачно. На лицах солдат исчезли улыбки. Шли молча, стараясь не греметь ружьями. Французы не показывались.

Внезапно хлопнул выстрел. Пуля пропела где-то высоко над головами и расплущилась, глухо шлёпнув о каменный выступ. Точно дождь, посыпались мелкие камешки. Следом за первым выстрелом прозвучали второй, третий... Они становились чаще. Пули визжали в ущелье, словно потревоженные шмели. В рядах солдат появились раненые. Скрываясь за камнями, французы сверху обстреливали ущелье.

Передние ряды наступавших стали уже приближаться ко входу в туннель, как впереди громыхнула пушка. Из туннеля навстречу русским со злобным визгом вырвалась картечь. Движение приостановилось. Солдаты, прижимаясь к каменным выступам, очистили дорогу. Противник простреливал картечью туннель; попытка прорваться через него могла привести только к напрасным жертвам.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов, получив донесение, что французы бьют картечью.—Француз высоко, снизу ни пуль не достанешь его, ни штыком. А нам надо пройти... Князь Пётр,—Суворов обернулся к Багратиону.—Триста егерей в горы... Бегом! Обойди туннель, сбрось пушку!

Полк Трубникова продвигался в горах. Рискуя ежеминутно жизнью, солдаты преодолевали многочисленные препятствия; подсаживая друг друга, взбирались на голые, скользкие скалы, скатывались вниз; по шатким, наскоро сооружённым «мостам» персбегали через глубокие расщелины. Опасаясь неожиданного столкновения с неприятелем, Трубников прилагал всё своё искусство к тому, чтобы пройти как можно незаметнее. Если французы обнаружат его на походе, то могут не только задержать полк, но и сорвать выполнение задачи, поставленной перед обходной колонной Суворовым.

Посылая Трубникова, Суворов рассчитывал, что быстрый переход небольшого отряда там, где французы считают проникновение русских невозможным, и внезапное нападение с тыла ошеломят противника, вызовут у него панику; это позволит наступающим по фронту войскам прорваться через ущелье, выйти к Рейсе и захватить мост.

— Лекурб считает нас не способными на дерзость хождения в горах без дорог, а мы пройдем, — говорил Суворов. — Для русских чудо-богатырей нет невозможного.

В то время, когда французы отбили от туннеля войска Милорадовича, Трубников был недалеко от Рейсы. Две роты grenадер под командой майора Тревогина он направил отсюда вперед, с тем чтобы, отыскав брод, они переправились через Рейсу и вышли в тыл французам по ту сторону моста, с остальными силами стал приближаться к высотам Урнер-лоха.

Со стороны ущелья доносился треск ружейной пальбы. Горное эхо подхватывало гул выстрелов и перекликалось, повторяя их. В трескотню ружей ворвался грохот пушки. Эхо так многократно повторило его, что Трубникову казалось, будто по ущелью и «Урзернской дыре» бьет не одна пушка, а по меньшей мере десятипушечная батарея. Трубников торопил солдат:

— Скорей, братцы! — повторял он. — Скорей! Француз думает — высоко он, не достать русским... Как ударим — попробует он крепость русского штыка.

...В поисках спуска к реке отряд Тревогина продвигался вдоль шумевшего глубоко внизу и брызгавшего пеной порога. Берега всюду обрывались отвесными скалами и были так высоки, что прыжок вниз грозил гибелью. Прошло не меньше получаса, с тех пор как отряд вышел к Рейсе. Эхо доносило в горы гул и грохот начавшегося сражения. Шедший впереди капрал Семибратов вскарабкался на каменный выступ, осмотрелся и крикнул:

— Братцы, итти некуда... Круча.

Тревогин поднялся на выступ, где стоял Семибратов. Впереди темнела глубокая и широкая расщелина; она началась от берега и уходила далеко в горы. Нельзя ни спуститься вниз, ни переправиться через нее. Что делать? Тревогин не допускал и мысли о том, что его отряд не выполнит приказ. Осталось одно — прыгать с отвесной скалы в шумевший внизу поток. Тревогин готов был уже подать

команду, когда Семибратов, подвинувшийся по скале ближе к реке, крикнул:

— Ваше вскорodie, гладко тут... Скатимся, как на салазках.

У края расщелины, где она выходила к реке, полого опускалась вниз скользкая каменная глыба. Тревогин прикинул глазом расстояние до воды. «Можно», — мелькнула мысль.

— Я первым, братцы, — сказал он солдатам.

Семибратов, стоявший на самом краю глыбы, обернулся.

— Команде нельзя без командира, — сказал он. —

А тут...

Тревогин не успел ничего сказать, как Семибратов уже сидел на камне. Прижав к себе ружьё, он оттолкнулся и быстро заскользил по спуску. Вскоре раздался плеск воды и снизу донеслось:

— Как на салазках, братцы... Немного правей держи!

Багратион с отрядом егерей не успел выступить в обход туннеля, как впереди раздалась частая ружейная стрельба. Вскоре оттуда донеслось «ура».

— Обошли, — крикнул Суворов. — Гренадеры атакуют с тыла. Теперь французам не до нас. Коня!

Он сбросил плащ, стеснявший его. Оставшись в лёгком камзоле, поднялся в седло.

— Вперёд!

Солдаты бегом бросились к туннелю.

Не ожидавшие появления в тылу у себя русских, французы растерялись. Им казалось, что они отрезаны и окружены. Беспорядочная стрельба, которую вели они, не приносила вреда наступающим. Не выдержав штыкового удара grenадер Трубникова, французы начали очищать высоты. Преследуя отступавших, Трубников прорвался к выходу из туннеля. Это ещё больше усилило панику среди французов. Не приняв боя, защищавшие туннель войска противника бро-

силы в Рейсу пушку и бежали по уцелевшему мосту на другой берег реки.

По выходе из туннеля к Рейсе дорога, обогнув по крутому, похожему на карниз и повисшему над пропастью каменному уступу, выдавшуюся вперёд скалу, спускалась к мосту. Этот уступ обстреливался французами, занимавшими высоты другого берега. Суворов оставил коня и, пробравшись вперёд, крикнул:

— Француз отступает. Пушку сюда! Картечью по тем высотам... Гнать, гнать неприятеля!

Суворов стремился быстрее овладеть переправой, чтобы перебросить по ней войска на другой берег Рейсы.

У выхода из туннеля появилась пушка. Солдаты подтащили её на руках. Французы продолжали стрельбу, но после первого же удара по высотам картечью огонь французов поредел. Солдаты «по карнизу» дороги, спускаясь с высот, бросились к мосту, чтобы на плечах отступавших перейти Рейсу.

Мост был почти рядом, когда в арку его угодило ядро. Древняя каменная кладка не выдержала и рухнула. Путь наступающим преградила пропасть, на дне которой бесновался поток. Французы, ободрённые тем, что рухнувший мост задержал наступающих, усилили огонь. Надо было решать: отвести войска от обрушившегося моста, чтобы не нести напрасных потерь, или немедленно наладить переправу.

— Соколы, разбирай тот сарай! — крикнул Суворов, появившись у моста и показывая шпагой на полуразвалившуюся деревянную хижину, темневшую неподалёку. — Неси слежки!

Это было сказано в момент, когда многим уже казалось, что переправиться через пропасть сейчас, в пылу боя, невозможно. Приказание Суворова разрешило этот вопрос. Никто не думал о прочности сооружаемой переправы, о том, смогут ли пройти по ней войска, важно было то, что работа по

устройству переправы началась и что это обеспечивает главное — возможность движения вперёд.

Под огнём противника солдаты несли к обвалившемуся мосту брёвна из разобранный хижины. Те оказались короткими и не достигали концами уцелевших устоев. Суворов сорвал с себя офицерский шарф, бросил его солдатам.

— Связывай слежки, чудо-богатыри! Офицеры, ваши шарфы!.. Режь ремни от ранцев!

Офицерскими шарфами, ремнями от ранцев связывались по две короткие слежки. Связанные тут же перекидывались через пропасть. Офицер, первым подбежавший к «переправе», едва ступил на настил, как, сражённый пулей, сорвался и упал вниз. Но это не остановило атакующих. Солдаты перебежали по скользким брёвнам, брошенным над пропастью, и, перебежав, немедленно открывали огонь. Вдруг позади французских позиций разнеслось «ура». Это начал атаку вышедший, наконец, в тыл французам отряд Тревогина.

— Бей! Гони неприятеля! — кричал Суворов. — Вперёд!

Начался штурм высот правого берега. Стрельба французов становилась реже. Разбитые и разрозненные, их отряды в беспорядке отступали. Генерал Лекурб, вырвавшись из кольца русских войск, еле успел избежать плена.

Перед вечером по восстановленной переправе прошли пушки.

— Победа, слава, — говорил Суворов, объезжая войска, встречавшие его громким «ура».

Увидев полковника Трубникова, Суворов спешил и обнял его.

— Орёл! — сказал он. — Только русским доступно то, что совершили твои чудо-богатыри.

Пробежав по фронту, Суворов остановился перед гренадерами.

— От лица отечества спасибо вам, братья! Русские орлы взлетели выше орлов римских. Память о вашем подвиге не умрёт в русской армии. Слава вам!

Вдруг он напетушился, хлопнул себя по бёдрам:

— А Лекурб, а Массена — с носом остались, помилуй бог! Не ожидали себе конфузии; оружие наше готовились принимать, пленных считать, а мы отдали им честь по-русски...

Громкие крики «ура» заглушили последние слова Сузорова.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Штурм Измаила	3
Опальный фельдмаршал	23
Битва на Треббии	51
Чортов мост	74

Редактор *Алексеев М. Н.*

Художник *Зегер А. Б.*

Технический редактор *Соколова Г. Ф.*

Корректор *Клецкая А. Н.*

Г52219

Подписано к печати 18.07.51.

Изд. № 1/5538. Зак. 394.

Формат бумаги 70 × 108^{2/32} — 1,5 б. л. = 4,11 п. л. 4,347 уч. изд. л.

1-я типография имени С. К. Тимошенко

Управления Военного Издательства Военного Министерства Союза ССР

